

18+ ПРОВОДНИК

СЕРГЕЙ САМОЙЛЕНКО

Сергей Самойленко

Проводник

«Издательские решения»

Самойленко С.

Проводник / С. Самойленко — «Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Позднесоветская провинция. Четверо молодых журналистов находят в архиве статью о призраке безглазой плакальщицы. Находка запускает цепь загадочных событий, связанных с городскими легендами и древними языческими ритуалами, растянувшуюся на долгие годы расследований, в ходе которых реальность раскалывается на части и ночные кошмары становятся явью.

© Самойленко С.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая: Плакальщица	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Проводник

Сергей Самойленко

Редактор Андрей Коваленко

© Сергей Самойленко, 2026

ISBN 978-5-0070-3826-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая: Плакальщица

1

В деревню я прибыл, когда уже окончательно смеркалось. Последние отблески солнца тускло дрожали на горизонте. Старенький автобус, гроыхнув, уехал в сторону шоссе, и я остался на пустой остановке один.

Вокруг — ни души. С собой — небольшой потёртый портфель и смятая записка с адресом. Больше ничего.

Минут пять я топтался на месте, пытаюсь понять, в какую сторону идти. Сумерки стремительно сгущались, очертания домов расплывались, а дорога казалась вытянутой нитью, ведущей не вперёд, а куда-то вглубь — в тень.

— А вы к кому, мил человек? — хриплый мужской голос за спиной заставил меня вздрогнуть.

Я обернулся. Рядом стоял невысокий, коренастый мужчина лет сорока пяти. Лицо добродушное, но помятое, кожа обветренная, глаза мутноватые, но живые.

— Егор, — представился он, протягивая руку. Рукопожатие оказалось крепким, уверенным.

— Так вы к кому? — повторил он, не отпуская меня взглядом.

— Вот этот дом ищу, — я показал смятую бумажку.

Он нахмурился, прищурился, словно пытаюсь вспомнить.

— А, ну так этот я знаю. — Почесал затылок и мельком глянул на тёмную улицу. — Родственник или так зачем?

Спросил вроде бы для проформы, но в голосе скользнул интерес — и что-то ещё, похожее на осторожность. Будто сам дом был темой неприятной.

— Нет, я по работе. С хозяйкой поговорить надо. Подскажете, куда идти?

— А-а... — Егор неопределённо хмыкнул и махнул рукой. — Пошли, провожу. Не ровён час, заблудишься.

Мы двинулись по узкой, разбитой дороге. Из некоторых окон сочился мутный свет, но на улицах никого. Даже собаки не были. Только ветер звенел в проводах.

— Минут пятнадцать шагом, — продолжал Егор, будто боялся тишины. — Там, за поворотом, налево и вглубь. Я с тобой схожу. И ты не заблудишься, и мне всё веселее — с новыми людьми поболтать. Откуда сам будешь? Городской, верно?

Я хотел ответить, но Егор тут же перебил:

— Да, сейчас все в город стремятся. В деревне жить никто не хочет, вся молодёжь разъезжается. Я бы, наверное, тоже уехал, да мамка у меня хворает — не могу я её оставить. Батя мой два года как помер. Пил он много. — Егор громко шмыгнул. — Я, конечно, тоже могу вдарить, но рядом с батяней, земля ему пухом, чистый трезвенник.

Он усмехнулся и достал помятую пачку сигарет.

— Будешь? — протянул мне.

Я глянул на незнакомую эмблему местной марки, усмехнулся и покачал головой.

— А я курну, — сказал он и вдруг, шурясь сквозь дым, показал куда-то вправо. — Вон, видишь дом? Говорят, там бес живёт.

Он показывал на небольшой одноэтажный дом. Старый, заброшенный, он стоял чуть поодаль — окна и двери наглухо заколочены. В полумраке дом выглядел тревожно, зловеще. Я невольно поёжился, но внутри шевельнулось любопытство. Егор явно собирался рассказать местную легенду.

— Какой ещё бес? — быстро спросил я, зная, что Егор может скакать с темы на тему.

— Ну... чёрт, нечистый, барабашка, как хочешь называй. — Он опасливо покосился на дом и наклонился ко мне, будто боялся, что кто-то услышит. От него пахло крепким табаком и чем-то ещё — тяжёлым, едва уловимым. Видимо, насчёт своей хронической трезвости он слегка преувеличил.

— Люди говорили, там... — он кивнул в сторону дома, — вещи сами летали. Всякие бесовские штуки творились. Жуть, говорят, была невероятная: двери хлопали сами, половицы скрипели, ночью кто-то стучал по стенам.

Он выдохнул, и клуб дыма растаял в сгущающемся мраке.

— Потом батюшку вызвали, освятил дом. С тех пор вроде стихло. Первое время хозяева боялись возвращаться, ночевали у соседей. А потом всё же вернулись, постепенно привыкли. Говорят, будто дом успокоился.

Его слова почему-то не показались мне пьяной болтовнёй.

— Поначалу всё было тихо, — продолжал Егор, прижимая к губам уже едва тлеющую сигарету. — А недели через две нашли их всех... двух баб и малого, двенадцати лет. Зарублены были, топором.

Он сказал это спокойно, без надрыва, но внутри у меня всё сжалось. Вечер окончательно спустился, на дороге стало темно, только редкие окна домов светились тусклым светом. Егор достал ещё одну сигарету, чиркнул спичкой о коробок, глубоко затянулся и выпустил в вечерний воздух облако удушливого сизого дыма.

Я замер.

— Как такое вообще возможно? — выдавил я, не сводя глаз с дома.

— Возможно, — хмыкнул Егор. — Это Колька, хозяин, сделал. Жену, сына и тещу уложил, всех троих. Когда его милиция брала, тот всё что-то невнятное бормотал. Я тогда ещё пацаном был, но помню — вся деревня сбежалась. Кричал он, будто не сам, а кто-то за него. Глаза стеклянные, губы белые, руки трясутся. Милиция потом сказала — белая горячка.

Егор замолчал, а потом вдруг тихо добавил, словно боясь, что кто-то услышит:

— Только я-то точно знаю: не пил Колька. Совсем. Ни грамма. Отец мой потому с ним и не дружил — говорил, не мужик, коли не пьёт. Так что... — он сплюнул в сторону. — Милиция говорит одно, а тут дело такое... Говори что хочешь, но люди точно знают: бес в него вселился. Поэтому он всю семью и порешил.

Егор отбросил окурок, и тот погас в придорожной пыли.

Я с интересом взглянул на Егора. В каждом маленьком посёлке есть своя легенда о нечистой силе. Но сейчас он выглядел иначе — серьёзным, напряжённым, будто что-то давило на него изнутри. Тот лёгкий, весёлый мужик, с которым я только что говорил на остановке, исчез. Слишком серьёзно он говорил, слишком правдиво дрогнул голос на слове «бес». Не тот человек, чтобы выдумывать такое и рассказывать с такой эмоцией.

Тишину и мои мысли пререзал крик:

— Эй, Егорушка! А кто это там с тобой? — хриплый, настороженный голос — пожилая женщина сидела у забора на низкой лавочке.

— Да человек приезжий! Провожу до дома за поворотом! — крикнул в ответ Егор.

— Ой-ой-ой... — протянула старуха. Даже издали было видно, как она торопливо перекрестилась. — Это туда к...

Договорить не успела — слово будто застряло в горле.

— Да ну ты, баба Зина! Вечно тебе всё не так, мерещится всякое! Человеку помочь надо! — Егор раздражённо махнул рукой, схватил меня под локоть и ускориł шаг.

Женщина ещё что-то причитала, но мы уже отошли достаточно далеко — слов я уже не разобрал. Краем глаза я заметил, как она вышла на дорогу и перекрестила нас вслед. Будто отгоняла невидимую беду, что шла за нами.

Я сделал вид, что не заметил их разговора и странного поведения бабы Зины. Хотя было жутковато и любопытно. Ничего, скоро сам увижу, что там такое — «за поворотом».

Мы шли дальше. Деревня постепенно редела, с каждым шагом становилось темнее. За изгородами темнели кривые стволы яблонь.

Как только мы отошли от злополучного дома подальше, голос Егора стал спокойнее, увереннее — будто он снова контролировал ситуацию.

— Я тебе вот что скажу, — снова заговорил он. — Сам я ничего не видел, но люди — врать не станут. После резни дом заколотили крепкими гвоздями, на совесть.

Он понизил голос:

— Мы пацанами как-то полезли туда, любопытно ж. Только едва доску отдёрули — там внутри будто застонали. Не то скрип, не то вздох. А может, шорох — как если кто-то лежит и дышит. Дышит медленно, хрипло, будто при смерти. Мы рванули оттуда — я, Мишка и Тоха — так бежали, что до утра отдышаться не могли. После никто больше туда не совался.

— А почему не снесли этот дом? Ведь, наверное, страшно жить недалеко от такого места?

— Страшно! — кивнул Егор. — Только старухи говорят, что покуда зло внутри сидит, оно нас и трогать не будет. А разрушь дом — так беда, всю деревню может сгубить. Так и оставили как есть. Мы зло не трогаем, и оно нас вроде как стороной обходит. Ну а начальству областному начхать и на дом этот, и на нас.

Он замолк, и мы некоторое время шли в тишине. Где-то вдали ухнула сова, по обочине шуршала трава под лёгким ветром.

— А в последнее время что-нибудь необычное... с этим домом было? — спросил я.

— Да не, всё спокойно вроде, — сказал он, пнув камушек на дороге. — Малые, конечно, болтают. Боятся вечером там ходить, мол, слышат что-то, но... дети есть дети. У меня двое таких — одному десять, второму двенадцать. Вечно чего-нибудь напридумывают.

Сказал он это буднично, но в голосе прозвучало что-то странное — будто он и сам не верил, что всё это просто детские фантазии.

«Ага, возле дома ты что-то не такой смелый был», — с усмешкой подумал я, глядя на Егора.

Я даже не заметил, как дорога оборвалась, и мы вышли к дому, стоявшему чуть в стороне от остальных. Он резко выбивался из деревенского пейзажа — слишком большой, добротный, суровый. Чужак среди деревянных изб с покосившимися крышами. Дорога перед ним заросла травой, калитка плотно закрыта, а над высоким забором темнели верхушки старых лип — сухие, обветренные.

— Вот он, — сказал Егор, словно нехотя. — Дом бывшего помещика. Потом, как власть сменилась, тут председатель жил, хозяйничал. Да уж лет двадцать как помер. Теперь жена его тут одна осталась...

Он замолк, глотнул воздуха и шмыгнул носом. В лунном свете его лицо казалось усталым и настороженным — как у человека, который боится не того, что видит, а того, что помнит.

— Хозяйка, говоришь, одна? — спросил я.

— Одна, — кивнул он. — Да и... не в себе немного. Люди в деревне её сторонятся. То ли после смерти мужа крыша поехала, то ли сама с нечистой связалась — кто ж теперь знает.

Он покосился на забор, будто ожидая, что из-за него кто-то выглянет. Потом тихо, почти шёпотом добавил:

— Мне идти пора.

— Даже не заглянешь? — спросил я, понимая, что вопрос глупый.

Егор мотнул головой. Взгляд скользнул по дому, как по чему-то живому, и в нём мелькнул страх.

— Нет уж. Сам дальше. Я тебя довёл, как обещал. Только... — он запнулся, будто хотел предупредить, но передумал. — Смотри не задерживайся там долго. Ночь нынче... нехорошая.

Он резко развернулся и пошёл прочь, даже не оглянувшись. Шёл быстро — уходил не просто от дома, а словно от самого воспоминания о нём.

— Спасибо, что проводил! — крикнул я вслед, но ответом был только шелест травы да приглушённый стук шагов — всё слабее, слабее.

Когда тишина сомкнулась, я остался стоять у высокого забора. Воздух здесь казался другим — густым, неподвижным. Будто сам дом задерживал дыхание и прислушивался. Где-то вдалеке ухнула сова, и её крик вдруг показался неестественно громким — режущим ночную тишину.

Я постучал.

Ожидал услышать лай собаки — как в любой деревне, где тишина никогда не бывает полной. Но вместо этого — ничего. Тишина. Секунд десять я переминался с ноги на ногу, потом постучал снова — чуть громче. Ответа не последовало.

Становилось не по себе. После странного поведения Егора любая мелочь казалась злой вещью.

Я огляделся. Слева, за изгородью, начиналась берёзовая рощица — белые стволы бледно мерцали в лунном свете, словно тени, застывшие в немом ожидании. Со стороны рощи не было ни одного окна, забор тянулся глухо и высоко — будто специально отгораживал дом от всего живого.

«Есть там вообще кто-нибудь?» — мелькнуло в голове. Может, хозяйка ушла к соседям? Или вообще передумала встретиться?

Я прошёлся вдоль забора. Ночь опустилась окончательно. Звуки стихли, даже ветер замер. Только сверчки стрекотали да изредка — лёгкий шелест листвы, похожий на чей-то шёпот.

Луна почти полная — висела прямо над крышей, и её холодный свет превращал всё вокруг в чёрно-белую фотографию. За спиной, чуть поодаль, поблёскивала тёмная гладь реки; за ней виднелись крошечные огоньки — дальние дома деревни. А справа расстиралось поле — огромное, бледное, уходящее в темноту. Дорога, по которой мы пришли, петляла и растворялась где-то на краю ночи.

— Красиво, конечно, — пробормотал я, — но перспектива заночевать здесь не радует.

Я уже собирался постучать в третий раз, решив: если никто не откроет — пойду назад. Только повернулся — и замер.

Калитка была открыта.

Совершенно бесшумно. А в проёме — стояла тёмная фигура.

Я непроизвольно сделал шаг назад. Сердце коротко дрогнуло — будто кто-то схватил его ледяной рукой. Силуэт не двигался. Просто стоял, слабо очерченный в лунном свете. Женщина. Да, должна быть женщина. Хозяйка. Но почему не окликнула? Почему не слышно было, как она подошла, как открыла калитку? Даже в такой тишине — ни звука.

— Извините... — голос предательски дрогнул. — Я журналист. Меня зовут Игорь. Мы с вами договаривались встретиться, если помните...

Я зачем-то полез в карман и достал бумажку с адресом, хотя понимал: в темноте без фонаря ничего не рассмотреть.

— Вы... Надежда Никифоровна, верно? Я звонил вам...

Силуэт не шелохнулся. Не произнёс ни слова. Не сделал ни шага. Просто стояла.

И чем дольше длилось молчание, тем сильнее оно давило.

Я почувствовал, как волнение перетекает в страх. В голове промелькнули все события, что привели меня сюда, в эту глухую, почти забытую деревню. Всё сплелось в одно тревожное ощущение — будто я перешагнул невидимую черту.

Началось это более двадцати лет назад, в конце восьмидесятых, когда страна уже дышала переменами — старые устои трещали, а в воздухе висело что-то тяжёлое, неясное, как перед грозой. Я тогда только делал первые шаги в журналистике, переходил на последний курс журфака. Лето выдалось знойным и ленивым, но мне неожиданно подвернулась подработка — разобрать архив старого районного издания. Газета давно пережила лучшие времена, но хранила под толстым слоем пыли целую эпоху.

Мне и ещё троим сокурсникам поручили пересмотреть старые выпуски, составить каталог и подготовить материал для систематизации. Занятие пыльное и нудное — зато давало реальный опыт в редакции. Это был шанс проявить себя, ухватиться за первую серьёзную работу. А студентам деньги нужны всегда.

Но главной приманкой были сами архивы: старые газеты и журналы, пожелтевшие, хрупкие, с запахом пыли и забвения. Многие из них уходили корнями ещё в довоенные годы, и казалось, что между строк там спрятано куда больше, чем просто события прошлого. События, которые в конце концов привели меня сюда — в деревню, к дому за высоким забором и женщине, чьё имя теперь отзывалось во мне странным холодом.

Но обо всём по порядку.

Нас было четверо.

Олег — высокий, тощий, вечно сутулый, будто пытался стать меньше и незаметнее. Очки в толстой оправе с толстыми линзами придавали ему рассеянный, отстранённый вид. Прозвище «Алфавит» приклеилось к нему уже на первом курсе. Кто-то заметил: все его книги, конспекты и даже заметки в блокнотах разложены в строгом алфавитном порядке, каждая помечена аккуратной закладкой с буквой. А под буквой — мелкий убористый почерк: названия глав, пометки, даты.

Олег говорил, что это его способ «упорядочить хаос», чтобы «мир не распался на случайности». Мы смеялись, но в глубине души понимали: в архиве такой человек незаменим. Я искренне радовался, что он работает с нами — несмотря на периодические приступы занудства, такой педант идеально подходил для этой работы.

Виктор — плотный, невысокий, с лицом вечно занятого человека, у которого одна забота: где бы перекусить. За его серьёзный, задумчивый вид мы так его и звали — Виктор. Кто-то иногда добавлял отчество, но чаще обходились полным именем. Виктор, казалось, ел всегда. В своём поношенном портфеле, который с трудом вмещал пару книг, он ухитрялся хранить целый склад шоколада. Каждые полчаса извлекал очередную плитку и с видом философа отламывал кусочек.

— В каждом человеке должна быть загадка, — говорил он, ловя наши взгляды, и жевал с достоинством.

А ещё с нами работала Ира — хрупкая, светловолосая, с ясными серыми глазами, которые казались немного грустными даже когда она смеялась. Она не была первой красавицей курса, но умела притягивать внимание — словно в ней было что-то, что хотелось разгадывать.

Смех у неё был звонкий, живой. Странно, что она вообще пришла работать с нами — среди пыли, старых папок и тусклых ламп. Напоминала птицу, случайно залетевшую в подвал. Но, может, именно поэтому её присутствие делало эти дни не такими серыми.

Мы быстро втянулись в работу: перетаскивали стопки старых газет, скрипели табуретками, заполняли таблицы, пили дешёвый кофе из термоса. В воздухе стоял особый запах — смесь пыли, чернил и времени. Иногда, листая пожелтевшие страницы, я ловил себя на странном чувстве, будто слышу голоса — шорохи, слова, смех. Всё то, что когда-то было настоящим, но теперь заперто в бумаге.

Олег говорил, что архивы — это кладбища человеческих историй.

— Только без могил, — добавлял он задумчиво. — Но с призраками.

Тогда я рассмеялся. Теперь — не смог бы.

Шла уже пятая неделя наших трудов. Мы работали с утра до вечера, не замечая времени — будто находились вне него. За узкими окнами сгущались сумерки, в углах росли тени, а в зале с низким потолком всегда стоял один и тот же запах — старой бумаги, пыли и чего-то ещё... необъяснимого. Иногда мне казалось, что он исходит от самих газет, из которых выветрилось время.

Я сортировал вырезки. Олег педантично заносил данные в толстый журнал. Виктор, не разжимая челюстей, подносил мне новые стопки, аккуратно ставил их рядом и, продолжая жевать шоколад, бормотал себе под нос:

— Этих ударников хоть отбавляй... Только вот удар по нервам от их оптимизма...

А Ира успевала везде. То склонившись рядом, листала пожелтевшие страницы, то уже у дальней полки вытаскивала очередной том, задыхалась от пыли и смеялась. Казалось, она не уставала вовсе. Иногда я слышал, как её лёгкие шаги звучат между стеллажами, и каждый раз от этого звука становилось чуть спокойнее — живой голос среди мёртвого шёпота бумаги.

Сначала всё шло как обычно. Газеты — одна за другой. Бесконечные отчёты, передовицы, лозунги, хвалебные статьи о счастливой жизни и ударном труде.

Но именно в тот день воздух в архиве будто стал тяжелее, плотнее. Лампочки моргали чаще, тени казались глубже.

Я взял в руки очередную стопку газет, перевязанную серой верёвкой, хрупкой, как паутина. Разрезал бечёвку, потянул верхний экземпляр — и вдруг заметил под ним что-то странное. Узкая вырезка, немного потемневшая по краям.

Заголовок был срезан, остался лишь текст — и изображение. Чёрно-белая картинка, напечатанная грубой типографской краской.

На ней — женщина. Или не совсем женщина. Лицо человеческое, но глаза... или то, что было на их месте, — два круглых отверстия, из которых будто вытекала густая тьма. Не просто тень — ощущение, что она движется, шевелится, будто глядит на тебя изнутри бумаги.

Я невольно задержал дыхание.

— Эй, ребята, гляньте на это... — позвал я.

Олег, Виктор и Ира подошли ближе.

— Жуткая картинка, — тихо сказала Ира. Я заметил, как её рука дрогнула.

— Игорь, — нахмурился Алфавит, — ты уверен, что это не современная статья? Стиль совсем не того времени. Больше на «жёлтую» прессу смахивает.

Я перевернул лист. На обратной стороне — две короткие заметки о трудовых подвигах.

— Вот, смотри. Год — тысяча девятьсот сорок седьмой, — сказал я.

— После войны... — задумчиво произнёс Виктор, перестав жевать. — Но кто мог такое нарисовать тогда?

Мы снова перевернули вырезку. Женщина словно чуть изменилась. Мне показалось, что чернота в глазницах стала глубже, а рот — будто приоткрылся.

— Аж мурашки по коже... — голос Виктора прозвучал непривычно тихо.

Я моргнул, но рисунок был прежним.

— Ты читал текст? — спросила Ира.

— Ещё нет, — ответил я, чувствуя странную сухость во рту. — Решил, что лучше вместе.

Я поднял вырезку ближе к свету, и буквы, отпечатанные неровной типографской краской, будто дрогнули. В комнате стало тише. Даже вентилятор в углу остановился.

— Ну, давай, — сказал Виктор почти шёпотом.

Я прочистил горло и начал читать.

Это произошло весной тысяча девятьсот сорок третьего года.

Мне только исполнилось шестнадцать.

Многие подростки тогда рвались на фронт — казалось, всё вокруг зовёт туда: плакаты на стенах, рассказы взрослых, письма от ушедших. И я не была исключением. Завидовала тем, кто с оружием в руках защищал Родину. Мечтала стоять рядом, смотреть врагу в лицо. Скрывала возраст, твердила, что мне восемнадцать, уговаривала командира военной части взять меня в роту. Но вместо фронта судьба привела меня в госпиталь — санитаркой. Совсем не то, о чём грезила, но всё же — возможность быть полезной.

Я до сих пор помню свой первый день.

Здание больницы стояло на окраине города, потемневшее от копоти и времени. Даже не верилось, что ей меньше пяти лет — такой старой, грязной она казалась. Стены изрезаны следами пуль и осколков, кое-где зияли дыры, залепленные подручными материалами, окна крест-накрест перетянуты полосками бумаги. В воздухе висел запах копоти, сырости и гари. Пальцы невольно дрожали, на глазах наворачивались слёзы. В который раз в памяти всплывали картины обстрела города — того страшного дня, когда мама с младшей сестрой не вернулись домой.

Вся военная романтика улетучилась в тот момент, когда я переступила порог. Запах ударил сразу: смесь йода, хлорки, крови и чего-то гнилого из дальних палат. Он впился в волосы, в одежду, в руки — казалось, уже не смоешь.

В первый же день я увидела солдата, лежавшего прямо в проходе. Одеяло сползло — под ним кровавые пятна и два обрубка вместо ног. Лицо бледное, губы синие, глаза открыты. Дышал часто, как птица в силке.

«Он же чуть старше меня...» — мелькнуло в голове. От этой мысли стало холодно.

Повсюду — крики, стоны, команды, звяканье инструментов. Белые фигуры медсестёр мелькали в полутьме. Одна несла миску с кровью, на дне плавал густой сгусток. Другая торопливо несла бинты — с них капало.

Меня затошнило, мир на мгновение поплыл.

Прошла неделя — и я перестала бояться. Страх и брезгливость уступили злости, жгучей ненависти к тем, кто сделал всё это возможным. Каждый новый раненый напоминал, за что идёт война.

Однажды я разговорилась с молодым солдатом. У него не было ног, но в глазах — жизнь, сила, даже искра веселья. Он рассказывал, как подорвал вражеский танк и уничтожил четырёх фашистов.

— Я знал, что мне конец, — говорил он, улыбаясь так, будто рассказывает не о смерти, а о какой-то проделке. — Но если уж умирать, то с пользой. Притворился мёртвым, дождался, пока танк подползёт ближе, а потом — раз! — вскочил. Запрыгиваю, вырубая фрица на башне и швыряю гранату прямо в открытый люк.

Он щёлкнул пальцами.

— А дальше — бах... ну и всё. Очнулся уже здесь. Без ног, зато живой.

Я слушала и думала, что очень хочу на фронт. Меня уже не пугали ни отсутствующие ноги, ни повязка на глазах другого — он никогда не увидит свет, но всё равно улыбался, словно смеялся над смертью. Каждый из них любил Родину, умирал за неё и гордился этим — несмотря на боль и потери.

Я собиралась уходить, как вдруг раненый на соседней койке осторожно дотронулся до меня.

— Сестричка! — очень тихо прошептал он. — Сестричка, не оставляй меня одного.

Рядом лежал солдат, которого я раньше почти не замечала. Он не шутил, не балагурил, ничего не рассказывал. Лицо осунувшееся, глаза ввалились, кожа натянулась — будто высох изнутри.

— Прошу тебя... не оставляй меня одного, — его глаза умоляюще встретились с моими.

Сама не знаю, почему я тогда так испугалась. В нём было что-то жуткое, что пробирало до костей. А ведь я уже видела немало увечных, но этот взгляд заставил сердце замереть.

Я поспешно выскочила в коридор — и чуть не врезалась в старшую медсестру Зинаиду Ивановну. Добрая, полная женщина с усталыми глазами, в которых ещё теплился свет.

— Что случилось, девочка? — спросила она, беспокойно глядя на меня.

— Ничего, просто человек... — начала я, но из прохода раздался крик:

— Раненых привезли!

— Срочно за мной, потом расскажешь, — скомандовала Зинаида Ивановна, и мы вместе бросились на улицу к машинам.

Следующие дни слились в один.

Я видела смерть каждый день — она стала для меня привычкой, неумолимой и холодной. Под нашим городом шли ожесточённые бои, раненые десятками поступали в больницу, один сменял другого — крича, стоня, задыхаясь от боли. Я валилась с ног, но пыталась помочь каждому, чем могла. Иные умирали прямо у меня на руках, оставляя запах крови и горечи.

Уже пятую ночь я почти не спала. Иногда удавалось прикрыть глаза на несколько минут — и едва начинала проваливаться в сон, как снова нужно возвращаться к бесконечной работе, к страданиям, к крикам, к смерти.

На шестой день старшая медсестра подошла ко мне:

— Иди, девочка, отдохни. Никому лучше не будет, если ты свалишься с ног прямо на работе, — строгим, не терпящим возражений тоном заявила Зинаида Ивановна. Я начала было возражать — она и сама едва держалась на ногах. Но поняла: я настолько измотана, что лучше согласиться.

— Иди в триста вторую, там есть свободная койка, приляг, — сказала она.

Я добралась до палаты. До той самой, где меньше недели назад звучали весёлые голоса и молодой боец без ног радостно рассказывал о своём подвиге.

Тихо, стараясь никого не разбудить, я приоткрыла дверь. Лунный свет пробивался через мутное стекло, ложился на койки бледными пятнами. В палате было тихо — слишком тихо.

Я шагнула внутрь, увидела свободную койку и направилась к ней. Всё расплывалось, хотелось просто рухнуть и заснуть.

Но вдруг — тихие, сдавленные рыдания. Кто-то плакал.

Сначала решила, что это от усталости, но звук повторился — протяжный, женский, почти беззвучный. Казалось, он исходил из угла, где никого не было. И чем дольше я слушала, тем сильнее становилось ощущение: кто-то невидимый наблюдает за мной.

Собравшись с силами, я сосредоточила взгляд и вдруг заметила скорчившийся у койки силуэт. В тусклом лунном свете я разглядела женскую фигуру. Она тихо плакала, склонившись над спящим раненым, и шептала что-то себе под нос. Голос растворялся в воздухе, а движения были неровными и странно бесшумными.

Мурашки побежали по коже. Усталость отошла на второй план. Я медленно пошла к плачущей фигуре, пытаясь понять, кто это. Все медсёстры были заняты, а эта женщина одета не в белое, а в тёмное, будто в траур. Комната словно замерла, пропитанная её тихой печалью.

«Жена? Мать? — мелькнула мысль. — Пробралась ночью попрощаться?»

Но в ту же секунду внутри что-то сжалось. В этом плаче было что-то... нечеловеческое.

Я сделала шаг — пол под ногой предательски скрипнул.

Я подошла совсем близко.

Женщина всё плакала — тихо, надрывно, будто оплакивала не только одного умирающего, а всех, кто когда-либо погиб. Её причитания звучали глухо, словно из-под земли, и каждое слово било в виски.

И вдруг я ощутила ледяной холод, исходивший от неё — не ветер, не сквозняк, а живой холод, тот, что бывает в подвалах, где веками не ступала нога человека.

Она стояла, склонившись над раненым, длинные тёмные волосы падали на лицо, одежда — потёртая, будто из другого времени. Ни медсестра, ни родственница... и всё же — кто-то свой, из этой тьмы и боли.

Я должна была позвать на помощь, но не смогла. Голос застыл где-то в горле. Вместо этого я машинально протянула руку и коснулась её плеча. В тот же миг руку обожгло — не жаром, а холодом.

А потом — запах.

Запах мёртвой плоти. Не спутать ни с чем. Тот самый, что впитался в стены госпиталя, но теперь — густой, тяжёлый, будто исходил не от тела, а от самой смерти.

Будучи комсомолкой, я не верила в сверхъестественное. Но тогда, впервые в жизни, я перекрестилась. Рука двигалась сама, как будто не моя. Я опустила взгляд — и страх сковал меня.

Женщина... парила.

Её ноги не касались пола. Воздух вокруг будто задрожал. Плач оборвался, и я почувствовала, как она смотрит на меня. Без глаз, но взгляд этот я ощущала всей кожей, каждым нервом.

Хотелось закричать, броситься прочь, но тело не слушалось. В голове звенело, как от взрыва. Всё вокруг — стены, койки, даже луна за окном — поплыло перед глазами, и я начала проваливаться в темноту.

✱

Я очнулась от резкого запаха нашатыря. Всё было в тумане. Сквозь белёсую пелену я увидела женский силуэт, склонившийся надо мной. Крик сорвался с губ, но тут я услышала знакомый голос:

— Тихо, тихо, милая... всё хорошо.

Это была медсестра Нина — молодая, светловолосая, самая весёлая из всех. Она держала меня за руку. Вокруг стояли солдаты, глядя с тревогой.

— Совсем себя загнала, — вздохнула Нина. — День и ночь без сна.

— Что... произошло? — спросила я, ещё не до конца придя в себя.

— Нашли тебя без сознания, у койки. Ты, видно, пыталась помочь, — сказал один. — Только поздно уже...

— А что стало с тем бойцом? — выдавила я, переводя взгляд туда, где была та койка.

Там, где я видела странную женщину, теперь стояла пустая кровать. Но воздух вокруг будто всё ещё хранил её силуэт.

— Умер, — тихо ответила Нина, опуская глаза.

— Умер, — повторила я. — Может, вы что-то необычное видели этой ночью?

Солдаты переглянулись. Стало тихо.

— Что тут необычного, сестричка, — грустно усмехнулся один. — Был солдат... и нет солдата.

Я не могла оторвать взгляда от пустой койки. Всё внутри сжалось, дыхание перехватило, сердце стучало, будто пыталось вырваться. Воздух давил на грудь. Я опустила голову на подушку, пытаюсь заснуть, но не могла. Всё смотрела на пустую койку и чувствовала: что-то держит. Не отпускает.

✱

Шли недели, потом месяцы. Бои постепенно стихли, раненых становилось всё меньше. Но я всё ещё просыпалась ночами от собственного крика. Та ночь не отпускала меня: я вскакивала в холодном поту, сердце колотилось, а в темноте комнаты мне мерещился тот странный женский силуэт, следивший за каждым моим движением.

Потом я уговорила себя, что это просто усталость, кошмары. Я вышла замуж, жизнь постепенно наладилась.

Но та ночь осталась во мне — как невидимая отметина.

✱✱

Много лет спустя, в один из тихих летних вечеров, мы с мужем гостили у наших старых друзей — Михаила Владимировича и Валентины Ивановны. Прекрасная пара, бездетная, но с добрым сердцем. После войны я снимала у них комнату, а мой будущий муж — соседнюю. Так мы и познакомились. За этим последовали совместные прогулки, признание, помолвка, свадьба... Хозяева искренне радовались за нас и, когда мы съехали, часто приглашали к себе. Мои близкие погибли во время войны, муж вырос в детдоме, поэтому мы приняли этих людей как своих родителей.

Мы сидели за чаем. За окном сад тонул в оранжевом закате. В доме пахло мятой и выпечкой.

— Не беспокойтесь, это мой отец, — сказал Михаил Владимирович, когда в соседней комнате послышался надрывный кашель. — Он болен, да и умом помутился после контузии.

— Тихий он, безобидный, — добавила Валентина Ивановна. — Только не любит, когда к нему заходят.

Мы не стали расспрашивать.

Позже все вышли к реке. Муж играл на гитаре, звёзды отражались в воде, и я думала, что вот оно — счастье. Мирное, простое, настоящее.

— Я принесу тебе покрывало, — сказала Валентина Ивановна. — Вечер холодный.

— Не нужно, мне тепло! — улыбнулась я.

— Простынешь ещё, — всплеснула она руками.

— Давайте я сама принесу, — мне не хотелось лишний раз беспокоить пожилого человека.

— Но вы же наши гости... — начала было Валентина Ивановна, однако я уже направилась к дому.

— Вот настырная! — улыбнулась женщина.

Мурлыкая под нос какую-то незатейливую песенку, я шла по тёмному коридору с керосинкой. Её дрожащий огонёк бросал на стены длинные тени.

Когда проходила мимо двери, где жил отец хозяина, я услышала... плач.

Тот самый. Женский. Глухой. Идущий из темноты. Я узнала его сразу. К нему примешивалось бормотание — словно кто-то молился или шептал заклинание.

Я застыла. Меня охватил ужас, как тогда, несколько лет назад. Всё повторялось: та же дрожь, тот же звук, от которого кровь стынет в жилах.

Я понимала: нужно уйти, позвать мужа, Валентину Ивановну — кого угодно. Но вместо этого я медленно шагнула вперёд.

Керосинка светила тускло. Пламя вытянулось тонкой ниткой, будто тянулось к чему-то невидимому. Я положила руку на дверную ручку. Она была ледяная. Дверь, слегка скрипнув, приоткрылась.

— Кто там?.. — прошептала я едва слышно.

Ответом стал тихий стон — и долгий, глухой всхлип, будто кто-то снова оплакивал умершего.

Несмотря на охвативший меня ужас, я ясно осознала: если сейчас отступлю, буду бояться всю жизнь. Выставив вперёд лампу, глубоко вдохнула — и, будто перешагивая собственную тень, шагнула за порог, в густую темноту комнаты.

— Ну, что дальше? Почему ты остановился? — нетерпеливо спросила Ира.

— Наверное, ему страшно читать, — съехидничал Виктор, стараясь казаться беззаботным, но голос выдавал напряжение.

Я повертел вырезку в руках.

— А дальше... всё, ребята. Конец истории.

— Как это — конец истории?! — искренне возмутился Алфавит и выхватил газетный листок у меня из рук. — Это же нелогично! Рассказ, а уж тем более статья, не может просто обрываться!

— Не может, — согласился я.

Мы стояли, растерянно глядя друг на друга. Каждого глодало одно: хочется знать, что дальше.

Ира нахмурилась, сдвинув светлые брови. В её взгляде мелькнуло нечто тревожное. Она казалась слегка напуганной, но, зная Иру, я был уверен: страх только подогревал её любопытство.

— Вот что я думаю, — громко произнёс Алфавит, нарушая молчание. Он наклонился над листком, разглядывая нижний край. — Здесь же видно: последнее предложение обрывается, нет ни точки, ни подписи. Значит, продолжение должно быть на соседней странице!

— Логично, — кивнул Виктор, роясь в своём портфеле в поисках очередной шоколадки.

— А может, это просто часть какого-то рассказа? — предположила Ира, и её голос прозвучал неожиданно спокойно. — Газета могла печатать художественные произведения по частям. Чтобы читатель купил следующий номер, заканчивают на самом интересном месте. Обычная практика. Вы же не подумали, что это настоящая история?

Мы замолчали. В словах Иры была разумная доля скепсиса, но прозвучало это слишком поспешно.

— Ну да, наверное, мы отнеслись слишком серьёзно, — сказал я, улыбаясь. — Ира, как всегда, права.

— И картинка — просто иллюстрация! — добавил Алфавит, переворачивая листок.

Жуткое лицо женщины снова оказалось перед нами. Пустые глазницы будто впитывали свет лампы, превращая его в густую серую тень.

— Фу, противно и страшно! — Ира демонстративно отвела взгляд, но пальцы её всё ещё сжимали край стола — белые, напряжённые.

— Интересно было бы посмотреть на другие произведения этого художника, — сказал я.

— А мне вот не интересно. Наверное, у него всё творчество такое же мерзкое, — фыркнула Ира.

— В любом случае, занятная находка, — задумчиво произнёс Алфавит. — Надо бы поискать продолжение. Даже если это рассказ, странно видеть такой жанр в советской газете. Может, это чьё-то подпольное творение?

— Всё может быть... — протянул Виктор, закидывая в рот кусочек шоколадки. Он взял вырезку из рук Алфавита, аккуратно сложил пополам и сунул в портфель.

— Эй! Мы не имеем права ничего выносить из архива, — возмутилась Ира.

— Большое дело — бумажка, — деловито возразил Виктор. — Потом верну. Сорок лет тут пылилась — ещё столько же пролежит. А я, может, найду ей лучшее применение.

Он захлопнул портфель со странным, напряжённым выражением — будто внутри созрел план, о котором пока рано говорить.

Мы с Алфавитом переглянулись.

Я кивнул Виктору — забирай, потом разберёмся.

Он ответил кивком, поймав мой взгляд.

— Всё равно не понимаю, зачем она тебе? — резко спросила Ира.

— Скоро узнаете, — твёрдо ответил Виктор. — И вообще, ребята, не пора ли домой? Мы уже достаточно долго здесь торчим. Пыль — штука вредная, знаете ли!

Он поднялся, явно спешил, хотя дел оставалось ещё немало. В нём чувствовалось странное возбуждение — нервное, почти лихорадочное.

— Да, пора, — согласился я. — Завтра вернёмся и, может, найдём продолжение.

— Не думаю, — сказал Виктор и покачал головой.

— Почему? — удивился Алфавит. — Тут ещё целые стеллажи!

Виктор посмотрел на нас долгим, серьёзным взглядом.

— Здесь нет продолжения. Это, скорее всего, вообще никогда ни в какой газете не выходило, — сказал он очень серьёзно.

— Что? — я невольно насторожился.

— Потому что это не художественное произведение, — произнёс он глухо, почти шёпотом. — Это... не вымысел.

С этими словами он направился к выходу. Уже на пороге обернулся — лицо бледное, глаза блестели неестественно.

— Мне нужно кое-что проверить. Скоро всё расскажу, — сказал он и вышел, плотно захлопнув за собой дверь.

Тишина накрыла нас мгновенно. Мы стояли, как оглушённые.

— Что значит — «никогда не выходило»? — прошептала Ира, но никто не ответил.

Мы застыли, обменявшись растерянными взглядами. Никто не решился нарушить тишину и спросить вслух то, что уже крутилось в мыслях у каждого. Пауза становилась неловой, почти тревожной. Наконец, почти синхронно, мы начали собираться домой — лишь бы выбраться из этого странного, затянувшегося ожидания.

5

Когда мы вышли на улицу, Виктора уже и след простыл.

— Быстрый какой! — весело заметил Алфавит. — Что же он знает такого, чего не знаем мы?

— Хотя бы то, где достать бездонный портфель с шоколадками, — серьёзно ответил я.

Все рассмеялись, и напряжение после архива чуть спало.

— Ну, мне туда, — Алфавит махнул в сторону автобусной остановки.

Я пожал ему руку, и мы с Ирой пошли дальше вдвоём. Живём мы совсем рядом — она через дорогу, прямо напротив моего дома. Самое забавное: в детстве, по нашим словам, оба торчали во дворе каждый день, но ни разу не пересеклись. Мир, как выяснилось, любит такие странные совпадения.

Идти было недалеко — минут пятнадцать-двадцать небыстрым шагом. Вечер стоял тихий, тёплый, с лёгким запахом пыли и старых тополей.

— А ты что обо всём этом думаешь? — спросила она. Я не стал уточнять, о чём именно — и так ясно, что о статье. Мы все до сих пор были под впечатлением.

— Даже не знаю, — ответил я после короткой паузы. — С одной стороны, глупо верить, что это правда. Уж слишком всё складно написано. Но если всё-таки представить, что рассказ — не вымысел... тогда что стало с рассказчицей? Это существо, этот призрак... вряд ли такое нечто позволяет своим свидетелям оставаться в живых долгие годы.

— Почему ты так уверен? — спросила Ира — в голосе прозвучал интерес, не страх. — Привидения ведь обычно не злобные. К тому же рассказчица выжила при первой встрече и потом спокойно вышла замуж, была счастлива.

— Ты права... но, возможно, мы чего-то не понимаем, — сказал я задумчиво. — Её кошмары не исчезали столько лет. И то, что оно вернулось, не похоже на простую случайность.

И, честно говоря, мне кажется, это было не привидение. Что-то другое. Злое. Такое, что преследует человека спустя годы.

— А может, оно специально её не убило, — подхватила Ира, — чтобы она рассказала о нём миру.

— Ты думаешь, оно разумное? Схватило её и...

Я протянул к Ире руки и произнёс замогильным голосом: «Ты расскажешь обо мне, чтобы все боялись!»

Она отпрянула, потом рассмеялась. Смех прозвучал звонко и живо, будто развеял вечернюю тягость.

— В любом случае, — заметил я, улыбнувшись в ответ, — наш «шоколадный король» обещал рассказать то, что знает. Вот и посмотрим.

— Да уж, — кивнула Ира. — Он так странно взволнован был. Даже убежал сразу, не попрощавшись. Может, и правда что-то знает.

Она нахмурила лоб, и на нём появилась забавная сердитая морщинка.

— Он хороший парень, пусть иногда выглядит немного странным, — сказал я тихо. — Мы же учились с ним почти четыре года, ты его знаешь не хуже меня. Витька не из тех, кто треплется попусту. Кстати, он живёт совсем рядом, в соседнем районе, минут десять пешком. Если хочешь... можем зайти к нему и попросить рассказать, что он имел в виду.

Сама мысль об этом почему-то принесла мне облегчение — словно появилась возможность ухватиться за что-то понятное в этой всей неразберихе.

— А и правда, давай зайдём! — в Ире закипала привычная жажда действовать.

✱

Мы подошли к девятиэтажному дому. Стандартному, ничем не отличающемуся от десятков других. Серый панельный короб с ровными рядами одинаковых окон, слегка потрескавшиеся деревянные двери на входах и маленькая облупившаяся табличка с номером.

— Если не ошибаюсь, то вроде здесь. Я пару раз носил ему конспекты. Главное — найти правильный подъезд, а дверь я точно не перепутаю.

— Это ещё почему? — удивилась Ира.

— Увидишь, — усмехнулся я.

Мы вошли в подъезд. Всё выглядело знакомо — как миллионы других: серые бетонные стены с облупившейся краской, тяжёлые скрипучие двери, обитые дерматином, потёртые ступени со следами сотен ног.

На четвёртый этаж поднялись на лифте. Я высунул голову, огляделся и, покачив головой, нажал на пятый. Пришлось повторить ещё пару раз, пока на седьмом я наконец не сказал:

— Вот оно.

Мы вышли из лифта.

Дверь была деревянной, без обивки — скорее всего, родители Виктора собирались обить её дерматином, но процесс затянулся. И пока они не спешили, Виктор не терял времени: вся дверь — буквально вся — была облеплена обёртками от шоколадок. Некоторые знакомые — «Алёнка», «Вдохновение», другие — импортные, блестящие, с латинскими буквами. Я сразу представил, как Виктор клеит их один за другим, и на его серьёзном лице проступает довольная улыбка — будто создаёт личный музей сладостей.

Ира улыбнулась.

— Дааааааа, такую дверь точно ни с какой другой не спутаешь!

Я позвонил. Никто не открыл. Выждал полминуты, нажал снова, на этот раз дольше.

— Может, увидел нас из окна, притаился и не хочет открывать? — пошутила Ира.

— Нет, его окна выходят на противоположную сторону. Исключено. Наверное, по дороге зашёл куда-нибудь, до дому ещё не добрался.

На всякий случай я позвонил ещё раз и приложил ухо к двери.

— Я могу ошибаться, но, кажется, слышу какие-то звуки, — сказал я негромко.

— Какие ещё звуки? — переспросила Ира и тоже прильнула к двери.

— Как будто кто-то тихо плачет, — сказал я почти шёпотом.

— Тьфу, дурак! — Ира отпрянула и зло посмотрела на меня. — Нет там никого. Пойдём отсюда! — она нажала на кнопку лифта.

Я понял, что переборщил, и стало неловко. И куда только делся этот любитель шоколада? Он же сказал, что пойдёт домой...

Ира, насупившись, вошла в лифт, и я молча последовал за ней.

Когда мы вышли из подъезда, уже окончательно стемнело — окна домов светились ровным жёлтым светом, где-то вдали прогудел гудок поезда.

— Да ладно тебе, не обижайся, — сказал я, легко толкнув Иру плечом.

— Я и не обижаюсь, — она толкнула меня в ответ.

— Ничего, завтра всё узнаем, — сказал я, когда мы подошли к её дому.

— Да, обязательно. До завтра! — она махнула рукой и скрылась в подъезде.

Я остался стоять. Внутри возникло странное, непривычное чувство. Не из-за Иры — с ней всё было в порядке. Нет, что-то другое.словно в глубине сознания кто-то тихо шепнул: «Виктор не вернулся домой...»

Сердце сжалось. Я встряхнул головой, пытаюсь прогнать глупую мысль — мало ли куда он мог заглянуть. Но тревога не уходила.

Наверное, просто устал. День был длинный, тяжёлый, да ещё эта история... Ладно, завтра всё выяснится.

6

На следующее утро я проснулся гораздо раньше обычного. Несколько минут лежал, ворочаясь с боку на бок, пытаюсь снова уснуть, но сон не приходил — словно где-то в глубине сознания уже звучал тихий тревожный звонок. В конце концов, я нехотя выбрался из-под одеяла.

Из открытого окна хлынул яркий утренний свет, в лицо ударило тепло — день обещал быть ясным и тихим.

«Как хорошо!» — подумал я, потянувшись и выглянув наружу. Во дворе царила сонная идиллия: пустая детская площадка, одинокий дворник медленно метёт тротуар, глухо звенит метла о бордюр.

Взгляд сам собой скользнул к соседнему дому.

«Где-то там её квартира...» — мелькнуло в голове.

Я поймал себя на мысли и отогнал её. Мы всего лишь учимся вместе. Сокурсники — ничего больше.

Спешить было некуда. Я зашёл на кухню, поставил кофе и присел у окна. Мир за стеклом понемногу просыпался: открывались форточки, хлопали двери подъездов, вдали кто-то перекликался. По тротуару медленно шёл мужчина в светлой рубашке, с сигаретой в уголке рта. Он шагал неторопливо, с видом человека, у которого впереди целый день — без суеты, без планов.

«Вот и мы не спешим...» — усмехнулся я и сделал первый глоток. Горячий, терпкий кофе обжёг язык и вернул к реальности.

За этими тихими наблюдениями время пролетело незаметно. Я взглянул на часы — и с досадой понял, что уже опаздываю.

У нас, конечно, не было строгого распорядка, но я привык соблюдать собственную дисциплину: приходить вовремя, не распускаться. На ходу натянул брюки и майку, допил остывший кофе и поспешно вышел из дома.

На улице я замедлил шаг — надеялся встретить Иру. Никогда прежде не ловил себя на подобных ожиданиях, но сегодня почему-то очень хотелось пройтись с ней вместе.

«Неужели всё-таки?...» — я оборвал собственную мысль, едва она оформилась. Постояв пару минут, понял, что рискую опоздать, и зашагал быстрее.

Ещё издали заметил у здания силуэт УАЗика с надписью «МИЛИЦИЯ». Сердце неприятно сжалось. «Что ещё случилось?» — подумал я.

На пороге толпились люди — двое в форме. Приглядевшись, увидел директора издательства и его заместителя. Вид у них был растерянный и напряжённый. За спинами милиционеров я заметил Алфавита — он говорил быстро, сбивчиво, а сержант что-то помечал в блокноте.

— ...Закончили вчера около восемнадцати тридцати, — услышал я голос Алфавита.

Подожёл ближе, и он, заметив меня, кивнул:

— Вот, это Игорь.

Лицо у него было бледное, губы пересохли, руки заметно дрожали.

— Что случилось? — спросил я, стараясь говорить спокойно.

Милиционер с блокнотом медленно повернулся ко мне. Взгляд жёсткий, цепкий.

— Когда вы в последний раз видели Виктора Тимошина?

— Вчера... — сказал я, чувствуя, как холодеет внутри. — Мы закончили работу около семи, и он пошёл домой. А что случилось?

Я уже начинал догадываться — чувство было такое, что ничего хорошего не последует.

— Вас видели возле подъезда его дома около семи вечера, — сказал милиционер, глядя так, будто проверял мою реакцию. — Это верно?

— Да, — кивнул я. — Мы заходили к нему...

— Мы — это кто? — резко перебил второй, старше и суровее на вид.

— Я и Ира, наша сокурсница. Виктор ушёл раньше, а мы... забыли... — я замаялся. — Просто... решили зайти, уточнить кое-какие вопросы.

Фраза прозвучала неубедительно, и я сам услышал, как голос дрогнул. Мне совсем не хотелось рассказывать про ту странную газетную вырезку. И уж тем более — говорить, что Виктор унёс материал из архива с собой.

Я опустил глаза, надеясь, что милиционер не заметит моего замешательства. А внутри уже поднималась липкая мысль: всё складывается куда хуже, чем я хочу себе признать.

Бросил взгляд на директора — она стояла с опущенной головой, словно не смела вмешаться. Алфавит нервно теребил пуговицу на рубашке, и по тому, как ходили у него скулы, я понял — он тоже знает больше, чем говорит.

И вдруг заметил — в распахнутой дверце «воронка» сидела Ира. Она плакала.

— Я попрошу вас проехать с нами, — сказал милиционер, распахивая заднюю дверь и жестом приглашая внутрь.

— Но... — начал я.

— Прошу, — повторил он без угрозы, но с той холодной уверенностью, от которой спорить не хочется.

Я шагнул к машине. Милиционер обернулся к остальным:

— И вас, граждане, попрошу не покидать город. Если понадобится — вызовем.

— Но что происходит? Почему? — спросил я уже в машине, чувствуя, как внутри нарастает холод.

Ответ прозвучал просто и страшно:

— Виктор Тимошин был найден мёртвым сегодня утром.

Милиционер произнёс это почти буднично, не повышая голоса. А затем дверь с глухим, почти равнодушным звуком захлопнулась.

После этих слов, ноги у меня подкосились, и я осел на сиденье, чувствуя, как по телу пробегает дрожь. Воздух в машине казался спёртым, тяжёлым, пахло бензином, потом, железом и табаком.

Двигатель загудел. Я посмотрел на Иру.

Она сидела напротив, сжимая платок в руках. Глаза опухшие, слёзы катились по щекам — она, кажется, даже не замечала их. Во взгляде было что-то беспомощное, потерянное, будто весь мир вдруг стал чужим и враждебным.

— Как это получилось?.. — тихо, почти беззвучно прошептала она.

— Разговорчики там! — рявкнул один из милиционеров из-за решётки.

Ира вздрогнула, тихо всхлипнула и снова опустила голову. Потом закрыла лицо ладонями, и от этого простого движения её тихие всхлипы сорвались на резкий, отчаянный плач.

Я достал носовой платок и передал ей, потом протянул руку и коснулся её пальцев. Они были холодные, как лёд. Я взял её за руку и осторожно сжал ладонь, пытаясь передать хоть каплю тепла, успокоить дрожь, что исходила от неё.

— Всё будет хорошо, — сказал я еле слышно, почти одними губами. — Всё будет хорошо...

Но сам совершенно не был в этом уверен.

Пока мы ехали, я не отпускал руку Иры. Она уже успокоилась, но всё ещё молчала, лишь изредка негромко всхлипывая и вытирая платком слёзы. За окном мелькали серые дома, редкие прохожие, фонари, ещё горевшие в утреннем тумане. Всё выглядело нереально, словно мир за стеклом был лишь декорацией. Дорога была недолгой, но казалось, время тянется бесконечно.

Минут через десять я уже сидел в отдельной комнате. Большой тяжёлый стол, потёртая краска на стенах, запах дешёвого чая и старого линолеума. На окнах — железные решётки, за стеклом висело серое небо.

Передо мной лежали лист бумаги и ручка, а молодой сержант с усталым лицом медленно пил чай, глядя в окно — будто всё происходящее его не касалось.

Тишина длилась мучительно долго. Минут пять, наверное, но казалось — целая жизнь.

— Простите, — не выдержал я. — Что мне нужно делать? Меня будут допрашивать? Я... я могу всё рассказать, мне нечего скрывать.

Сержант никак не отреагировал. Только пригубил чай и медленно поставил стакан обратно.

Тишина вернулась. Я почувствовал, как начинаю нервно теревить край бумаги. Сердце бешено колотилось, мысли хаотично метались.

А что с Ирой? Сидит ли она сейчас в такой же комнате? Спрашивают ли её? Или она тоже ждёт в этом беззвучном кошмаре?

Мысли сбивались. В груди нарастала тяжесть, я никак не мог выдохнуть.

Виктор мёртв... Эти слова крутились в голове, будто кто-то шептал их на ухо. Как? Почему? Кто решил, что виноваты мы? Неужели всё это связано с той статьёй, с той женщиной из истории? Глупости. Совпадение. Просто совпадение. Но отчего-то всё внутри противилось этому слову.

Я сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки. Казалось, если не держать себя — закричу.

Прошло ещё несколько минут — растянутых, вязких, как густой сон. И вдруг дверь резко распахнулась.

На пороге появился один из милиционеров, тот, что вёз нас сюда.

— Ковалёв! — коротко бросил он. — Этого выпускай.

Сержант, не проронив ни слова, махнул рукой — можно идти. Я встал, не сразу понимая, что происходит. Хотел спросить, за что нас сюда привезли и почему теперь так просто отпускают... но слова застряли в горле.

В коридоре я увидел Иру. Она шла ко мне, без конвоя, немного бледная, но спокойная, почти отрешённая.

— Что они у тебя спрашивали? — я бросился к ней. — Хотя что-то объяснили? Почему мы здесь?

— Нет, — покачала она головой. — Я сидела одна, мне принесли чай. Потом пришёл тот мордатый, извинился и сказал, что я могу идти. Сказал, что это ошибка.

— Странно... — я нахмурился. — Мне вообще ничего не сказали. Только отпустили. Но... что с Виктором? Как это... получилось?

— Сердечный приступ, — раздался ровный голос за спиной.

Мы обернулись. В нескольких шагах стоял невысокий человек в штатском. Свет из окна падал сбоку, и тень от его фигуры легла на стену — длинная, вытянутая, почти нереальная.

— Старший следователь Петровский, — произнёс он спокойно. — У вашего друга, по предварительным данным, случился сердечный приступ. После результатов вскрытия будет больше информации. Задерживать вас причин нет. Простите за неудобства — но мы обязаны были проверить все версии. Тем более, вас видели у его квартиры.

Я молчал, не в силах осознать услышанное.

— Но... как же так? — наконец выдавил я. — Виктор никогда не жаловался!

— Бывает, — ответил Петровский. — Иногда человек и сам не знает, что с ним творится. Сердце — вещь капризная, непредсказуемая.

— Ещё раз извините за задержку, — добавил он и, кивнув, открыл соседнюю дверь и скрылся в кабинете.

Мы остались стоять посреди коридора, не зная, что сказать. Казалось, всё, что могло бы быть сказано, рассыпалось в пыль. Вот тебе и утро, которое начиналось так обыкновенно. Где-то за стеной щёлкнула дверь, послышался звон ключей, шаги. Всё это казалось далёким, словно происходило не с нами.

Мы медленно вышли из управления.

— Мы только вчера его видели, — тихо произнесла Ира. — Только вчера... таким живым, радостным. А сегодня... его нет. Понимаешь, нет! Ему же всего двадцать было! Разве так бывает?! — голос её сорвался, и она снова заплакала.

Я не знал, что ответить. Мир словно распался на части — холодный свет, чужие лица, гулкие шаги по плитке. Всё потеряло смысл.

Я не разбирался в медицине. Никогда. Все эти разговоры про сердце, сосуды, давление — звучали для меня как что-то далёкое, почти отвлечённое. И потому я не знал, что сказать.

Что вообще можно сказать, когда твой близкий знакомый умирает внезапно, без предупреждения?

— Он ведь совсем не был похож на больного, — произнёс я тихо, словно оправдываясь перед самим собой. — Ну да, немного лишнего веса... и всё.

Я осёкся. Понял — я почти ничего о нём не знал. Да, он был с нами каждый день: в архиве, на парах, на перерывах. Шутил, смеялся, ел свои бесконечные шоколадки... Но был ли он другом?

Скорее просто товарищем по учёбе. Я не знал, где он жил до этого, кем были его родители, что он любил, что его тревожило. Мы все считали, что знаем Виктора — а оказывается, ничего, кроме его улыбки и вечной тяги к сладкому.

Может, у него и правда было больное сердце? Но почему он никогда не говорил? Или просто не знал сам?

Я почувствовал, как в горле застрял ком. Слова больше не шли.

Рядом тихо всхлипнула Ира. Я осторожно взял её за руку — неуверенно, без подтекста. Она не отдернула ладонь. Только крепче сжала мою, будто подтверждая: я понимаю.

✱

Когда мы добрались до архива, здание встретило нас тишиной и пустотой. Дверь оказалась заперта. В коридоре было прохладно, откуда-то тянуло пылью и чем-то старым — запахом бумаги, чернил, металла.

Поднявшись наверх, мы нашли заведующую.

— Ой, ребята, как же так, ужас-то какой! — всплеснула она руками, едва нас увидела. — Такой молодой, только вчера здесь был, и вот...

Голос её дрожал, в нём смешались искреннее сострадание и неуверенность.

— Олечка уже ушёл, — добавила она. — Так расстроен, так расстроен был, бедняжка. Вы, если хотите, тоже идите. Отдохните.

Но я попросил ключ от архива. Не потому что собирался работать — просто хотелось уйти куда-то, где можно посидеть в тишине, без чужих голосов и жалости.

Ира поняла это без слов и пошла со мной.

Архив был таким же, как мы его оставили прошлой ночью. Та же тусклая лампа под потолком, тот же запах старых книг и пыли, те же стопки журналов и пожелтевших газет. Казалось, время здесь застыло.

Я закрыл дверь, щёлкнул замком и опустился на стопку старых подшивок. Ира стояла у стены, обхватив себя за локти. Её взгляд блуждал по полкам, но я чувствовал — она думает о том же.

Прошло меньше минуты, но тишина тянулась как вечность. Лишь под потолком монотонно гудела лампа.

— Послушай, — начал я наконец, и голос прозвучал глухо, издалека. — Это, может, прозвучит дико... Но ты не думаешь, что смерть Виктора как-то связана с той статьёй?

Иру словно ударило током. Она резко посмотрела на меня. В глазах промелькнул испуг — не просто тревога, а что-то первобытное, глубокое.

— Нет, я не сошёл с ума, — добавил я. — Я понимаю, звучит глупо. Как старые страшилки из пионерлагерей. Но... если вдруг всё, что там написано, было правдой? Если эта история не выдумка, а нечто большее? Я хочу знать, откуда она взялась. Кто написал, кто рассказал... почему её вырезали из газеты.

Пока я говорил, голос предательски дрожал. Даже мне самому это казалось нелепым — проще было поверить, что Виктор умер от приступа. Но в глубине души что-то шептало: это не просто совпадение.

Ира молчала несколько секунд, глядя куда-то вниз, словно взвешивая сказанное. Потом подняла голову и сказала неожиданно твёрдо:

— Я бы тоже хотела узнать правду. Только как? Где искать? Статья-то осталась у Виктора. Как мы её теперь заберём? Придём и скажем родителям: «У вашего сына была вырезка из газеты, можно нам её посмотреть?» Они нас пошлют — и будут правы. Сейчас им не до нас.

Я кивнул.

— Да, думаю, стоит немного подождать. Пусть пройдёт время. Потом, может, получится поговорить. А сейчас...

Я замолчал, подыскивая слова.

— Сейчас нас и правда могут послать. Культурно. Или не очень. Думаю, завтра нужно пойти к нему, проститься и выразить соболезнования родным. А там будем смотреть по обстоятельствам. Постараемся действовать аккуратно, чтобы не задеть их чувства... и, если получится, незаметно забрать ту вырезку.

— Тогда давай пока посмотрим здесь, — сказала Ира. — Может, в подшивках остались другие номера той же газеты. Или что-то похожее.

Она подошла к полке, провела пальцами по корешкам. Сухая пыль взметнулась в воздух, закружилась в солнечном луче, пробивавшемся из окна.

Я смотрел на этот танец пылинок и думал: а вдруг и правда в этих старых страницах скрыт ответ? Что, если сама газета — как дверь, которую мы случайно приоткрыли, и теперь из-за неё начинает сочиться что-то тёмное, древнее, живое?..

Ира повернулась ко мне. Взгляд у неё был решительный, даже чуть упрямый.

— Значит, начнём искать, — сказала она.

Я кивнул. И впервые за всё утро почувствовал — не просто тревогу, а ощущение, что с этого момента всё действительно начинает меняться.

8

Остаток дня мы провели в безуспешных поисках хоть какой-то информации, связанной с загадочной газетной вырезкой.

Мы перерыли всё — десятки подшивок, сотни пожелтевших страниц. В воздухе стояла плотная, липкая пыль, оседавшая на руках, на лицах, на ресницах. К вечеру даже глаза у Иры покраснели, и она всё чаще моргала, будто старалась стряхнуть усталость.

— Ну и что теперь будем делать? — спросила она, откинувшись на спинку старого деревянного стула. В голосе звучала не просто усталость — в нём слышалось разочарование, будто все усилия оказались напрасными.

— Спокойно, действуем по плану! — ответил я с наигранной бодростью, но голос предательски дрогнул.

Я тоже чувствовал усталость, смешанную с раздражением и внутренним холодом. Всё это казалось бессмысленным, хотя... чего-то я всё же ждал. Может быть, знака.

— Статья ведь у Виктора дома — надеюсь, она там. Если получится, заберём, — добавил я.

— Да... — протянула Ира неуверенно, потирая глаза. — Со статьёй на руках, возможно, удастся разузнать больше. Может, даже найти кого-то, кто помнит о ней.

Мы уже собирались уходить, когда меня вдруг осенило.

Я резко обернулся, схватил журнал учёта, лежавший на подоконнике — тот самый, куда Алфавит заносил всё, — и начал судорожно листать.

— Что ты ищешь? — недоумённо спросила Ира, вскинув брови.

— Сейчас... подожди... — пробормотал я, просматривая записи. — Как же я раньше об этом не догадался!

На последней странице нашёл нужную графу, пробежался по строчкам, быстро переписал несколько фамилий в блокнот. Подойдя к стопке газет, стал перебирать их одну за другой.

— Ты можешь мне сказать, что происходит, или решил играть в шпиона? — Ира уже почти кричала. Видно было, что усталость и напряжение сказались на её терпении.

— Всё просто, — пояснил я, поднимая голову. — Наша вырезка из газеты сорок седьмого года, верно? Это газеты этого года, — я показал стопку, которую держал. — И я собираюсь переписать имена сотрудников редакции. Всех, кто тогда работал над выпуском.

Ира на мгновение замерла, потом кивнула.

— Господи... и правда. А ведь это так очевидно! Наверное, голова уже совсем не варит от пыли. Значит, если найдём кого-то из тех, кто тогда работал, сможем узнать правду.

— Теоретически, да. Только теперь их ещё нужно найти. — Я показал ей страницу блокнота, где было около десятка записей — фамилия, имя, отчество, должность. — Вот список. Завтра мы пойдём к Виктору... проститься. И попробуем забрать статью.

— И постараемся найти людей, связанных с ней, — сказала Ира.

— Да... хотя, — вздохнул я, — прошло уже больше сорока лет.

Ира ничего не ответила. Мы оба понимали: шансов найти сотрудников оставалось крайне мало. Но всё же — это хоть какая-то возможность.

— Ладно, — сказал я, устало закрывая журнал. — Пусть этот день наконец закончится.

✱

Мы вышли на улицу, и солнце, низко скользя над горизонтом, бросало длинные тени на асфальт. Воздух был влажный, пахнувший листьями и пылью — словно сам вечер устал, как и мы.

Мы шли медленно, каждый молчал, погружённый в свои мысли.

В голове крутилась тяжёлая мысль: Виктора больше нет. Как правильно вести себя перед его родителями? Как выразить соболезнования, не сказав лишнего? И как объяснить, что нам нужно забрать документ — придётся порыться в его вещах... Мне стало тяжело дышать — понимание того, что предстоит, давило сильнее любой усталости.

— Во сколько завтра? — нарушила молчание Ира.

— Извини, что? — я повернулся к ней, не сразу поняв вопрос.

— Во сколько пойдём проститься с Виктором?

— Думаю, часов в двенадцать... Встретимся у перекрёстка, между нашими домами, — предложил я.

— Хорошо. — Она кивнула, прикусив светлый локон — я уже знал, это у неё привычка, когда волнуется.

— А что с Алфавитом? — добавила она после паузы.

— Позвоню ему утром. Думаю, он пойдёт с нами. В таких делах его рассудительность не помешает.

— Тогда договорились. В двенадцать, — сказала Ира и, помахав на прощание, быстро пошла к своему дому.

Я остался один.

Смеркалось. Зажглись первые фонари. На площадке неподалёку ещё играли дети — их смех и визг разрезали вечер, словно отгоняя что-то скрывающееся в первых тенях.

Когда я проходил мимо одного из подъездов, услышал разговор двух ребят — мальчика и девочки лет девяти-десяти. Они сидели на скамейке и спорили с ожесточением, не замечая никого вокруг.

— Да я тебе говорю, она существует! — убеждала худенькая тёмноволосая девочка. — Рыжая ведьма!

— Девчачьи выдумки, — фыркнул светловолосый мальчик с аккуратной стрижкой, поправляя круглые очки.

— Вот и нет! — девочка насупилась и наклонилась к нему ближе. — Она забирает детей, которые возвращаются домой одни. Если идёшь в тёмный подъезд без родителей, она появляется из темноты и следует за тобой. А когда ты уже почти выходишь на свет — хватает и забирает!

— Куда забирает? В избушку на курьих ножках? — хмыкнул мальчик.

— Никто не знает. Дети просто исчезают, — ответила девочка с серьёзностью, не свойственной её возрасту. — На месте, где ведьма забрала ребёнка, всегда находят рыжие волосы. Потому её так и называют — Рыжая ведьма.

— А кто вообще видел, что ведьма — это ведьма? — недоверчиво спросил мальчик, деловито поправив очки.

— Ну значит, кто-то видел, что это ведьма! — девочка скрестила руки на груди и нахмурилась.

— А кто её мог видеть, если она нападает только на одиноких детей, и все они пропали? — мальчик сжал губы, недоверие звучало в каждом слове.

— Ну... кто-то видел! — девочка замялась, но не сдавалась. — Один мальчик рассказывал, что другой мальчик из соседнего двора видел, как она напала на девочку. Только он теперь не выходит гулять — боится.

В её голосе звучало и презрение, и что-то похожее на страх. Я стоял неподалёку, делая вид, что ищу ключи. Но слушал. Каждое слово странно отзывалось где-то внутри.

Сверху хлопнула форточка, и женский голос окликнул:

— Маша, домой!

— Ну всё, мне пора, — сказала девочка, вскакивая. — И будь осторожен! Я вот фонарик ношу с собой — если вдруг в подъезде света нет!

— Спасибо, хорошо, я постараюсь не оказаться на месте жертвы, — ответил мальчик с изрядной, не по годам, долей сарказма и в очередной раз поправил очки, всем видом показывая сомнение.

Девочка недовольно фыркнула и убежала в подъезд.

9

На следующий день я отправился проститься с Виктором один.

Ира позвонила рано утром — в голосе слышались искреннее сожаление и усталость. Родители просили поехать с ними на дачу: отец уезжал в долгую командировку, и перед отъездом нужно было закончить дела по хозяйству. Она извинялась, будто оправдывалась, но я понимал — отказаться она не могла.

Алфавит не отвечал на звонки. Ни утром, ни позже. Я несколько раз набирал его номер, слушая короткие гудки, но он так и не снял трубку. Где он, когда так нужен? Его спокойствие и способность рассуждать холодно и логично сейчас были бы так нужны.

Я почувствовал разочарование — и лёгкий, неосознанный страх. Но отступать было нельзя.

Я долго собирался, прикидывая, как лучше начать разговор с родителями Виктора. Что сказать? Как выразить соболезнования людям, чьего сына я видел живым совсем недавно? Любые слова казались неуместными, чужими.

Наконец я вышел из дома и отправился к знакомому подъезду.

Путь до квартиры показался длиннее, чем обычно. Дома стояли серыми стенами, в окнах отражалось бледное, безжизненное небо.

Остановившись перед знакомой дверью, обклеенной яркими обёртками от шоколада, я почувствовал, как к горлу подкатил ком. Когда-то эта дверь казалась весёлой, почти детской, а теперь — нелепой, чужой.

Я нажал на кнопку звонка.

Где-то в глубине квартиры раздался приглушённый звон. Подождав немного, я нажал снова — дольше, сильнее. Прошла минута. Потом ещё одна.

Было тихо, так тихо, что было слышно только, как кровь стучит в висках.

Неужели я опоздал? Может, все уже уехали на кладбище?

Наконец за дверью послышался тихий шорох — будто кто-то медленно двигался, волоча тапочки. Шаги были неспешные, осторожные.

Сердце дрогнуло: я осознал, что совсем не готов. Мысли спутались, все слова вылетели из головы. Как вести себя перед этими людьми, потерявшими сына? Что сказать, как смотреть им в глаза?

Замок лязгнул, дверь медленно открылась.

На пороге стоял невысокий старик, сгорбленный, седой, с тусклыми, покрасневшими глазами. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Здравствуйте, — тихо произнёс я. — Я хотел проститься с Виктором. Мы с ним учились и работали... вернее, проходили практику... этим летом.

Глаза старика оживились, он кивнул и молча отступил в сторону, приглашая войти.

Я снял обувь и переступил порог.

В квартире было прохладно и удивительно тихо. Даже старые настенные часы, обычно тикающие в углу, молчали. Ни голоса, ни шагов. Кроме старика, в квартире никого не было.

— Вот, возьмите, молодой человек, — старик протянул мне домашние тапочки. Голос звучал спокойно, почти равнодушно, но глаза оставались красными, воспалёнными. Похоже, он не спал всю ночь.

— Спасибо... — выдавил я.

Через приоткрытую дверь в гостиную я заметил мебель, накрытую вышитыми салфетками, и большой ковёр на стене. Мягкий диван, шкаф с посудой, телевизор в углу — всё выглядело обжито, но мёртво, будто время здесь остановилось. Комната была пуста. Гроба в ней не было.

Старик заметил мой взгляд и кивнул на другую дверь:

— Вот комната Вити. Подождите немного здесь, я принесу вам чай.

— Не стоит, я ненадолго, — попытался я возразить, но он уже шёл на кухню.

Из-за приоткрытой двери слышался звон посуды и тихий шум воды.

Я стоял перед дверью в комнату Виктора, не зная, куда деть руки. Пожилой человек, скорее всего дедушка, хлопчет, ставит чайник — будто это обычный день, будто Виктор жив и просто вышел из дома...

Я чувствовал себя лишним, будто вторгся в чью-то скорбь. И в то же время меня тянуло туда — в комнату Виктора. В воздухе стоял едва уловимый запах — что-то между пылью, бумагой и лёгкой ноткой ванили. Тот самый, что тянулся за ним шлейфом на парах. Теперь же он казался чужим, застывшим — словно тень прежнего тепла.

Я мысленно готовился к тому, что увижу тело Виктора в гробу — холодное, безжизненное, неподвижное.

Меня с детства учили, что смерть — естественный финал. Но привыкнуть к ней невозможно. Особенно когда мёртв не старик, не кто-то далёкий, а человек, с которым ты на днях разговаривал, шутил, пил кофе и делился шоколадкой.

Я — будущий журналист. Мне положено быть хладнокровным, готовым ко всему, даже к репортажам из моргов. Но если бы можно было выбрать, я бы писал про что угодно — только не про смерть.

Я вдруг вспомнил случай из детства, от которого до сих пор по спине пробегает холодная дрожь.

✱

Мне было лет семь или восемь, и я играл во дворе с другими мальчишками. Был тёплый летний вечер. Мы бегали, смеялись, дразнили друг друга. Одним из главных развлечений ребятишек тогда было лазить по стройкам.

Однажды ребята постарше позвали нас на одну из них. Отказаться было невозможно: родительский ремень уже не казался страшным. Страшнее был позор — не пойдёшь, значит трус. Засмеют, назовут девчонкой, будут показывать пальцем и дразнить неделями.

Мы помчались туда с криками, взбудораженные, будто в поход за сокровищами. Забор вокруг стройки стоял, но больше для виду — ржавая сетка, которую легко перелезть.

Старшие уверяли, что сторож пьян и спит в своей будке. Так обычно и было. Но в тот вечер всё оказалось иначе.

Когда мы подбежали, стройка встретила нас непривычной тишиной. В воздухе висела тяжёлая, почти осязаемая тревога. Взрослые стояли скученно, кто-то нервно курил, кто-то молча с опущенными руками, бледные лица словно вытянулись от напряжения. Все выстрои-

лись полукругом, мрачные, как тени. Невысокий мужчина с перекошенным лицом размахивал руками, крича на рабочих — голос срывался, слова звучали грязно и зло, будто сам воздух дрожал от его ярости.

Я впервые тогда услышал столько брани от одного человека.

Рядом стоял милиционер в синей униформе, что-то записывал в блокнот. Его вид — точь-в-точь как у тех, кто потом пришёл сообщить о смерти Виктора. В стороне мигала «скорая помощь». Синие отблески мигалки бились о бетон, стекло и лица — делая их зловещими, мертвенно-серыми.

Мы замерли, не понимая, что происходит.

Потом мужчина, отчитывавший рабочих, заметил нас и заорал:

— Что стоите?! Пошли вон, сопляки!

Несколько рабочих пошли к нам, закрывая собой что-то на земле.

И тут я увидел — тёмную плёнку, натянутую по ветру, под которой угадывались очертания тела. Ветер сорвал край полиэтилена. Я успел увидеть лицо. Детское лицо. Мёртвое.

Это был мальчик из соседнего подъезда — на год старше меня.

Я застыл. В животе всё сжалось, тошнота подступила к горлу. Я рванул прочь, ноги спотыкались о каждую неровность, сердце бешено колотилось, а мир вокруг превратился в смазанную, шумную картину хаоса.

Вдалеке доносилась ругань мужчины, смешиваясь с новыми криками — женскими. Криками матери, потерявшей сына, рвали воздух.

После всего увиденного я долго не мог заснуть. Той ночью я не раз просыпался в холодном поту. Лицо мальчика всплывало в темноте снова и снова. Оно будто смотрело на меня из угла комнаты, из-за шторы, из зеркала. Я зажмуривался, но всё равно видел его. Холодное, белое, со следом удивления — будто он не успел понять, что умер.

Наутро был разговор с родителями. Серьёзный, холодный. Они строго запретили мне приближаться к стройкам, и впервые я понял — их страх не показной.

Потом я узнал, что мальчик пришёл туда раньше всех. Забрался повыше, стал ждать других. Оступился. Упал. С первого этажа. И сломал шею.

Я не мог понять, как. Мы прыгали и с более высоких — со второго, некоторые даже с третьего. Правда, в песок. А он — нет. Он упал просто на землю.

Родители сказали, что это было случайностью — он, видимо, неудачно оступился и упал головой вниз. Тогда я понял: любая высота может стать смертельной, даже самая маленькая. Родители взяли с меня слово, что я буду держаться подальше от таких мест.

Образ мёртвого мальчика ещё долго являлся мне по ночам: я просыпался в холодном поту, будто его взгляд пронзал тьму. Он будто следовал за мной, тихо шепча, что жизнь слишком хрупка, чтобы рисковать ею понапрасну.

Это было моё первое знакомство со смертью. В детстве я ещё не раз сталкивался с ней, но тот первый случай запомнился особенно остро. Я увидел смерть. Она перестала быть чем-то далёким, абстрактным — теперь она была близка, осязаема. И с тех пор я знал: она не где-то там, за чертой — она рядом. Она просто ждёт, когда ты сделаешь неверный шаг.

✱

Я снова вздрогнул, прокручивая в голове воспоминания, и тут же меня передёрнуло от мысли, что вот-вот увижу гроб. Сам факт того, что за дверью может лежать тело моего друга, вызывал липкий, вязкий страх.

А старик... казалось, он вовсе не осознаёт, что происходит. Его внук мёртв, а он — чай предлагает! Словно всё это обычный визит друзей. Может, он просто не выдержал и сошёл с ума.

Врачи в морге едят рядом с мертвецами, но я — не врач. Я не был готов к этому.

— Ну что, пойдёмте, — вдруг услышал я за спиной голос старика и вздрогнул от неожиданности.

Старик стоял с подносом — две кружки чая, блюдо с печеньем. Руки его чуть подрагивали, но взгляд оставался ясным, холодным. Я растерялся — слишком углубился в мысли и не слышал, как он подошёл.

— Проходите, — сказал он. — Я думаю, Витя не будет против.

Фраза прозвучала так спокойно, будто Виктор просто вышел на минуту. От этого стало ещё больше не по себе. Я почти решил уйти, но остановился. Если уйду сейчас, потом вряд ли смогу вернуться и попросить то, что мне надо. А сейчас здесь только я и этот старик. Надеюсь, он сможет мне помочь.

Стараясь побороть волнение, я нажал на дверную ручку. Дверь отворилась. Я пропустил старика вперёд, стараясь не заглядывать внутрь, оттягивая роковой момент. Старик, шаркая, вошёл в комнату. Глубоко вздохнув, я шагнул за ним.

Комната оказалась пустой. Никакого гроба. Только аккуратно заправленная кровать, шкаф с книгами, письменный стол, несколько стульев. Всё выглядело так, будто хозяин просто вышел, но тревога не отпускала. Воздух здесь был тяжёлый, неподвижный — будто сама комната впитала мгновение, когда Виктор перестал дышать.

— Мы с вами так и не познакомились, — сказал старик, ставя поднос на стол. — Дмитрий Иванович. Или просто дед Дима.

Он протянул руку. Я представился и пожал её — холодную, сухую, как пергамент. Старик жестом предложил мне сесть, подал кружку чая и печенье.

— Так значит, вы к Вите зашли?

Я молча кивнул.

— Витя был сиротой, — произнёс он тихо, не глядя на меня. — Его мама умерла, когда он был совсем ребёнком. А вскоре папа разбился на машине. На ровном месте, говорят.

Я смотрел на деда Диму. Лицо его ничего не выражало. Он замолчал на мгновение, потом добавил почти шёпотом:

— И знаете, Игорь, — тихо сказал он. — Тогда врачи заявили, что у Витинога отца случился сердечный приступ, как и у Вити. Но я им не поверил.

Я не знал, что ответить. Старик говорил ровно, без эмоций.

— А ещё, — продолжил он, — Витя всегда боялся оставаться один. Особенно ночью. Даже когда вырос.

Он пристально смотрел куда-то в сторону, будто разглядывая что-то невидимое.

— Знаете, что странно, Игорь? — произнёс он, взглянув на меня. — Он помнил маму. Хотя не мог. Слишком мал был, когда её не стало. Но по ночам звал её. Всегда просил не уходить.

Старик тихо вздохнул, потом добавил:

— Спокойно заснуть он не мог, спал только со светом. Он боялся темноты... и в ту ночь, когда его не стало, он остался один.

Эти слова прозвучали как удар. В голове что-то щёлкнуло — будто замкнулась цепь.

— Вы думаете, что ночью с ним что-то случилось? Но что? Вы с ним общались перед этим? — спросил я, стараясь говорить спокойно.

— Он был один. И в ту ночь во всём районе как раз пропал свет, — сказал дед, будто не услышав моего вопроса. — Меня не было рядом, и той ночью Вити не стало. Наверное, он не просто так боялся оставаться один.

Старик замолчал, глядя куда-то вдаль, будто пытаясь ухватить далёкие воспоминания. Через несколько мгновений начал бормотать себе под нос, рассказывая о своём прошлом. Голос был монотонный и давящий. Сердце забилось быстрее, странная тревога накатила волной, и появилось острое желание уйти — немедленно. Но я должен был узнать, где статья.

Я попытался вернуть разговор в нужное русло, но старик уже не слышал меня. Он говорил о себе, о войне, о керосинке, о дороге... Голос становился всё тише, монотоннее — он словно не замечал моего присутствия. Делая вид, что слушаю, я осмотрелся и вдруг увидел знакомый портфель под письменным столом. Я медленно поднялся и подошёл.

— Вы разрешите? — спросил я, хотя знал, что он не услышит.

Старик всё бормотал, покачиваясь. Я разобрал отдельные слова: «лучина», «ночь», «горит», «идут»...

Я осторожно вытащил портфель из-под стола и поставил на стул рядом. Взгляд упал на стопку бумаг. Я быстро перебрал их и заметил серый ежедневник. На первой странице крупно: «Дневник». Ниже — дата, имя, адрес.

Не раздумывая, я потянулся к портфелю и приоткрыл его. Как только металлическая защёлка щёлкнула, бормотание старика усилилось, переходя в крик. Слова невозможно было разобрать, он раскачивался на стуле, взгляд стал безумным — он смотрел прямо на меня.

Меня охватил ужас. Я сунул дневник в портфель, быстро поднялся и почти выбежал из комнаты, защёлкивая его на ходу. Как только защёлка закрылась, крик прекратился. Старик замер в неестественной позе — только губы шевелились беззвучно, а взгляд был устремлён куда-то вглубь комнаты, будто он разговаривал с кем-то невидимым.

Я почти выбежал в коридор, больно ударившись плечом о дверной косяк. Прижав портфель к груди и торопливо натягивая обувь, я вдруг почувствовал странное присутствие за спиной. В ту же секунду осознал: бормотание в комнате стихло. Тишина давила так, что казалось — старик стоит где-то в конце коридора и следит за каждым моим движением.

Не оглядываясь, я рывком открыл входную дверь, выскочил на лестничную площадку и почти бегом понёсся вниз, перескакивая через ступеньки.

Только выйдя из подъезда, я почувствовал, что могу снова дышать.

В сквере неподалёку я заметил скамейку в тени старой липы и уселся, переводя дыхание и пытаясь справиться с волнением. Портфель лежал на коленях. Я несколько раз глубоко вдохнул, похлопал по портфелю и невольно улыбнулся, довольный собой. Портфель был у меня. А вместе с ним — дневник, о существовании которого мы с ребятами даже не подозревали.

Я открыл портфель. В первом отделении аккуратно лежали шоколадные батончики — кто бы сомневался, мелькнуло в голове. Во втором, кроме дневника, который я торопливо сунул, ничего не оказалось. Третье отделение было пустым. Газетной вырезки не было.

— Чёрт! — выругался я, высыпав всё содержимое на скамейку, перевернув портфель, потрясая его в воздухе, проверяя карманы и ощупывая подкладку. Ничего. Всё тщетно.

Волна разочарования накатила на меня. Наверное, он спрятал статью или отдал кому-то. Возможно, её взял этот старик.

Вариантов было множество, и ни один не внушал уверенности. Возвращаться к деду Диме смысла не было — на столе статьи точно не было. Где Виктор мог её спрятать в квартире? Тайники, ниши... кто знает. Обыскать помещение сейчас невозможно, да и неразумно, пока старик там. Идею с обыском я отложил как крайний вариант. Сейчас вся надежда оставалась на дневник. Может, Виктор вложил вырезку именно туда?

Я открыл дневник, надеясь найти ответ хоть на один вопрос. Я не сомневался — Виктор что-то знал и хотел нам рассказать. Первая страница — только заголовок и дата. Дальше — пустота.

Лист за листом — ни слова.

— Да что за бред! — вырвалось у меня. — Судя по дате на первой странице, Виктор задумал вести дневник больше трёх лет назад. Три года назад начал — и ни одной записи?!

Я пролистывал страницы всё быстрее, пока не заметил кое-что.

В верхнем углу одной страницы, едва заметно, карандашом была выведена дата. День, когда Виктор забрал статью домой. И рядом — одно слово, размашистое, кривое, словно написанное дрожащей рукой:

«Страшно...»

Весь остальной дневник был пуст.

10

В голове путались мысли, было тревожно и непонятно, что делать дальше. Суббота — в архив ехать бессмысленно, он закрыт. Ира на даче, Алфавит так и не ответил, а где его искать — не знал. Казалось, всё замерло, будто кто-то поставил мою жизнь на паузу.

Минут пять я просидел в полном оцепенении, уставившись в серый асфальт, пока не понял, что зверски проголодался. Желудок болезненно сжался, напоминая, что, кроме страхов и догадок, в нём давно ничего нет. Решив хоть немного прийти в себя, я направился в ближайшее кафе.

Домой идти не хотелось. Родители накануне вернулись с дачи. Они наверняка захотят поговорить, расспросить о практике. А что я им скажу? Что мой друг умер, его дед ведёт себя как безумец, а я украл из дома мёртвого дневник с одним словом «Страшно»? Нет, лучше не сегодня.

Кафе встретило меня шумом и тёплым ароматом еды. Людей было много — субботний вечер, все спешили пожить перед новой неделей. Над прилавком висела желтоватая лампа, под ней стоял большой латунный самовар, потемневший от времени, с вечно горячей водой и тонкой струйкой пара из краника. Рядом — помытые гранёные стаканы на пластиковом подносе, длинные ложки в гранёном стакане и горка сахарных кубиков, слегка слипшихся от влажности.

Я взял огромный бутерброд и стакан чая, уселся в угол, подальше от чужих разговоров и смеха. Стол был покрыт выцветшей клеёнкой, чуть липкой по краям. За соседними столами обсуждали цены, дефицит, очереди, последние слухи — всё вперемешку, громко, на взвинченных тонах. Где-то монотонно гудел холодильник с пирожками, а старый радиоприёмник на стене едва ловил волну, шипел, пропадал, но упрямо продолжал играть.

Хотелось просто побыть одному — хоть здесь, в этом шумном, прокуренном уголке, где пахло котлетами и чаем, смешанными с запахами дешёвого вина и пива. Я сделал глоток обжигающего чая и попытался решить, с чего начинать поиски дальше.

Мысли наваливались одна на другую: может, попытаться найти кого-то из сотрудников той старой газеты? Хотя сколько им сейчас лет... если вообще кто-то жив. Но шанс есть. Виктор забрал вырезку не просто так — значит, что-то знал. Там было что-то важное...

— Игореха, ты? — грубый, но знакомый мужской голос прозвучал прямо за спиной.

Я обернулся. Передо мной стоял коротко стриженный парень — крупный, крепкий, будто сложенный немного шире нормы. Не мускулистый, скорее тяжёлый, основательный, как человек, который с детства привык таскать что-то по хозяйству. На лице — спокойные черты, широкие скулы, мягкая складка у губ. Улыбка у него получалась тёплой, почти домашней, из-за чего вся внушительность тут же теряла угрозу.

— Вадим? — не поверил я своим глазам.

— Он самый! — рявкнул он весело и, не дав мне подняться, заключил в свои медвежьи объятия. Его руки обхватили так крепко, что на секунду стало трудно дышать — но в этой тяжести было больше тепла, чем силы.

Я рассмеялся. Вот уж кого не ожидал встретить в этот день!

Вадим был моим другом детства, почти старшим братом. Он старше на несколько лет и давно вращался в своей шумной, взрослой компании — мопеды, дворовые разборки, походы на стадион. Но всё равно находил время для меня. Мы играли в настольные игры, бродили по

двору, болтали обо всём. Вадим объяснял, как устроена жизнь, на что обращать внимание, от кого держаться подальше. Он незаметно стал тем, кто всегда прикроет, вытащит, подскажет. С ним рядом я всегда чувствовал себя спокойно, даже уверенно. Его уважали и немного побаивались — и этого хватало, чтобы и ко мне относились с осторожностью.

После школы он неожиданно для всех ушёл в армию. Мог бы поступить в институт без труда — голова работала не хуже кулаков. Но Вадим говорил, что хочет «примерить военную форму».

И вот он — стоит передо мной, живой, загорелый, уверенный, будто из другого мира, где нет ни смерти, ни странных дневников. Я поймал себя на том, что впервые за долгое время по-настоящему рад. Рад, что встретил кого-то из прошлого, из того времени, где всё было просто и безопасно.

— Как ты? Какими судьбами? — удивился я. — Я слышал, что ты перебрался в другой город!

— Не так всё просто, — усмехнулся Вадим и сел рядом. — Отслужил, думал остаться, но понял — не моё это. Поступил в медицинский, на хирурга. По распределению на следующем курсе предложили практику тут проходить — учиться, помогать. Ну, я и согласился. Сейчас вот приехал документы оформить, разобраться... да и просто посмотреть, как тут всё изменилось.

— Да ты что! У нас медицинский появился? — я не скрывал удивления.

— Ну вот, да — филиал открыли уже год назад, а ты и не в курсе. Журналист, значит... ничего не замечаешь! — Вадим громко рассмеялся, расправляя плечи.

— Здорово, — искренне ответил я. — Знакомый врач — это всегда хорошо.

— Ну, конечно, хорошо и полезно: больничные на халяву, лекарства по блату, спирт достать, да и помощь в экстренной ситуации — бесценно, — подмигнул Вадим. — Кстати, о спирте. Может, и отметим встречу чем-нибудь посерьёзнее чая? — Он косо глянул на гранёный стакан с бледно-золотистым напитком.

— Почему бы и нет, — пожал я плечами. — Суббота, имею право расслабиться. А то в последнее время такой дурдом!

— А что случилось? — удивился Вадим.

— Да ничего... Много работы, архив с ребятами разбираем, да и так кое-что... Я тебе потом расскажу. Давай для начала по пиву?

Мы перебрались за столики на улице. Вечер был тёплый, летний ветер слегка колыхал листья, принося долгожданную прохладу. По улице разносились голоса прохожих, смех, скрип старых подъездных дверей и редкий гул машин.

Вадим сразу принес четыре большие кружки пива и несколько сушёных рыбок — привычная летняя закуска. Звуки улицы смешивались с глухим звоном кружек, когда мы чокались, и с приглушёнными разговорами за соседними столиками. Всё это создавало странное ощущение уюта и одновременно тревоги — будто мир вокруг живёт своей размеренной жизнью, а у нас впереди ещё масса дел и забот.

Мы давно не виделись, но Вадим совсем не изменился — всё тот же добродушный, весёлый здоровяк. Мы болтали обо всём, вспоминали детство, студенческие годы, общих друзей.

Я узнал, что после армии учёба в медицинском далась ему нелегко, но он рьяно взялся за дело и не пожалел — ему нравилось учиться, нравилась профессия. В университете он познакомился с девушкой, следующим летом они собираются пожениться. Планов было много, и он явно рад был вернуться в родной город.

Хотя я искренне радовался за него, в глубине души проскользнула лёгкая зависть. Когда Вадим с энтузиазмом рассказывал о жизни и учёбе, мелькнула мысль: спасти людей — куда более захватывающее дело, чем писать статьи. Впрочем, когда разговор зашёл о практике на трупах, я твёрдо решил: нет уж, лучше готовить тексты, чем резать человеческую плоть.

Вадим действительно подходил для профессии врача, особенно хирурга: крепкий, спокойный, уравновешенный — что ещё нужно для успешной операции? В его глазах горел азарт и уверенность, смех срывался вместе с рассказами, и я невольно улыбался.

Мне вспомнился один случай из детства, и на мгновение я вновь ощутил холодок, пробежавший по спине.

Мне тогда было около одиннадцати, Вадиму почти четырнадцать — он считался самым старшим в нашей компании и главным. Мы равнялись на него, слушались почти беспрекословно. Одной из любимых забав, наравне с играми на стройке, было разводить костры — большие, живые, от которых пахло дымом, жареной картошкой и свободой.

Но простое сидение у костра быстро наскучивало. Мы старались добавить в это что-то... взрывающееся. В ход шли шифер, пустые бутылки, аэрозольные баллончики — всё, что могло громко лопнуть, взрываясь огнём и искрами.

В тот раз в лесу собралось около девяти человек. День клонился к закату, мы разожгли большой костёр. Хлеб и выкопанная на соседнем поле картошка подрумянились над огнём и были быстро съедены. По домам расходиться не хотелось — юные души требовали приключений.

Зачинщиком был Мишка, высокий худой парень, казавшийся старше своих лет. Он всегда был вторым после Вадима кандидатом для похода в магазин, когда нужно было достать то, что детям продавать строго запрещалось. Его уверенная походка и хитрый блеск в глазах сразу давали понять: с ним скучно не будет.

Мишка принёс большой кусок шифера и с размаха забросил его в огонь. Все разбежались, предчувствуя, что сейчас будет. В тот же миг раздался громкий хлопок, костёр разлетелся на части. Пацаны завизжали от восторга, а те, кто посмелее, начали забрасывать в огонь шифер, бутылки, баллончики. Иногда хлопок случался так неожиданно, что кто-то не успевал отскочить — и растяпа подпрыгивал, вызывая смех у остальных.

Когда Мишка в очередной раз подошёл к огню, раздался глухой, громкий взрыв. Не просто хлопок — глухой, короткий, словно кто-то выстрелил из-под земли. Обломки разлетелись в стороны. Сначала все закричали от восторга, но мгновение спустя увидели, что Мишка сидит на траве: правая штанина разодрана, на бедре расплывается большое красное пятно. Восторг сменился тишиной и тревогой — теперь уже не до смеха.

На мгновение все замерли, переглядываясь и осознавая произошедшее. Потом началась паника: кто-то закричал, кто-то бросился звать Мишкиных родителей. Один мальчишка тихо исчез — просто встал и ушёл, будто ничего не видел.

Только Вадим не растерялся. Он сразу бросился к Мишке и начал осматривать рану. Из бедра торчал кусок металла, сантиметра три наружу — никто не знал, как глубоко он проник. Он выхватил бутылку воды и стал промывать рану, не морщась и не теряя самообладания. Мы стояли вокруг, не зная, что делать, дрожа от ужаса и восхищения одновременно.

Я помню, как в тот вечер впервые подумал: Вадим не просто смелый. Он не испугался, не поддался панике и сразу поспешил на помощь. Тогда я понял: Вадим никогда не оставит друга в беде. И, как оказалось, не ошибся.

Я напомнил Вадиму об этом случае. Он задумался, словно перебирая воспоминания, загадочно улыбнулся и не ответил, сделав глоток пива.

— Где ты сейчас живёшь? — спросил я, отгоняя воспоминания.

— На старой квартире, — улыбнулся Вадим. — Сначала думали продать из-за переезда, но потом всё закрутилось. Отец нашёл хорошую работу, денег хватало.

Он сделал глоток, обдумывая, как продолжить.

— А когда я решил жить отдельно и переехал сюда на учёбу — вопрос с продажей отпал. Родители не возражали, город у нас тихий, спокойный.

Вадим снова улыбнулся, глаза заискрились.

— В начале сентября приедет моя девушка Вера, будем вместе учиться и жить. Обязательно познакомлю! Она просто очаровательная.

Я улыбнулся в ответ, давая понять, что с нетерпением жду встречи с девушкой Вадима. Мы допили пиво и, поняв, что засиделись, почти одновременно решили, что пора расходиться. Поднявшись, я покачнулся — голова кружилась. Вадим тоже был навеселе, но держался крепко.

Мы вышли на тёплую, почти пустую улицу. В окнах панельных домов мерцал тусклый свет, редкие фонари отбрасывали длинные тени на тротуар. Было тихо и спокойно, все тревоги словно рассеялись, и я почувствовал непривычное ощущение умиротворения.

— Завтра воскресенье, — задумчиво протянул Вадим. — Надо будет выспаться, подготовить документы... А в понедельник — доделать бумажные дела, вернуться к родителям, довести сбор вещей до конца. К концу августа переёду окончательно, и тогда повторим сегодняшнюю процедуру.

— Обязательно! И не один раз, — пообещал я, улыбаясь.

Он одобрительно похлопал меня по плечу, и мы, смеясь и разговаривая о чём-то далёком и забавном, побрели по аллее, освещённой редкими фонарями.

Как добрался домой — не помню. Помню только пустую квартиру и лёгкий запах пыли в прихожей. Родителей не было. «Интересно, где они?» — мелькнула последняя мысль, и я провалился в сон.

11

Проснулся я очень поздно — взглянув на часы, понял, что проспал больше двенадцати часов. На кухне лежала записка от мамы: они неожиданно уехали на дачу — кто-то позвонил, пригласил, вернуться только в следующую пятницу. Холодильник был полон, разговоров о практике и вреде алкоголя сегодня не предвиделось — и я на короткое время даже обрадовался.

Воскресенье текло вяло и грустно: похмелье делало шаги тяжёлыми, любые усилия казались лишними. Портфель Виктора стоял в углу, словно ни при чём, и смотреть на него было неприятно — будто напоминал обо всём, что я пережил. Лезть в него снова не имело смысла: всё внутри я изучил. Да и разбираться с этими странностями сейчас не было желания.

Я взял кружку кофе, включил телевизор и решил посвятить весь день лени — еда, диван, телевизор, снова еда, снова диван. Бесполезное, но удивительно приятное времяпрепровождение. Бывают такие дни, когда голова просит тишины и передышки от всего, когда хочется просто выдохнуть и полениться. Наверное, у каждого бывают такие дни.

После бесполезно-приятного воскресенья, по всем законам течения времени, наступил понедельник. Поднявшись утром, я понял, что несколько не жалею о вчерашнем дне: душа требовала продолжения, но разум велел собраться и заняться делами. Лениво одевшись и прихватив портфель Виктора, я направился в редакцию.

Ира и Алфавит уже были на месте, неторопливо перебирали старые вырезки. Когда я вошёл, они почти одновременно повернулись ко мне. Их взгляды — уставшие, чуть потухшие — тут же сменились изумлением, как только они увидели в моих руках портфель Виктора.

Глубоко вздохнув, я поставил портфель на деревянный стул. По их лицам было видно: они едва сдерживали нетерпение.

Я пересказал всё — как добывал портфель, сцену со странным дедушкой, и ту единственную запись в дневнике. Алфавит, как водится, подошёл к делу детально: развернул дневник, прищурился и достал спички, подержав один из листков над пламенем.

— А что, Ленин молоком писал тайные послания, когда был в ссылке... — пробормотал он, но, видя наши улыбки, тут же спрятал спички обратно и вернул мне дневник. Ухмылка была быстрой, но взгляд — серьёзным.

— Очень смешно! — буркнул он. — Я хоть что-то делаю, чтобы найти улики. Всё это чертовски странно. Я уже начинаю верить во всю эту мистику.

— Хоть что-то! — фыркнул я. — Я вообще-то добыл этот дневник. И тебе звонил, между прочим, но никто не ответил.

— Значит, в квартире был неадекватный старик... — протянул Алфавит, проигнорировав мой упрёк. — Как вариант, можем сходить туда вместе и попытаться осмотреть квартиру более основательно. Но вопрос — как он себя поведёт и пустит ли вообще.

— Да, — кивнул я. — Судя по его состоянию, с согласием могут возникнуть проблемы. К этому надо подойти осторожно. Можно, конечно, попробовать его проигнорировать, но нам не хватало ещё проблем с законом. Нас уже кто-то видел возле квартиры Виктора — соседи, судя по всему, там бдительные.

— Согласна, можем нарваться на неприятности, — Ира наконец включилась в разговор. — Но в целом вариант рабочий, просто рискованный. Если что, в этот раз я пойду с тобой и попробую отвлечь старика. Извини, что тогда не получилось... — она виновато опустила глаза.

— Да ладно, не всегда всё идёт по плану, — успокоил я её. — Обыск — крайняя мера. Но рассматривать его всё равно стоит. Статью очень хотелось бы найти.

— Не спешите, — Алфавит поднял ладонь, словно призывая нас к терпению. — Дадим старику время. Судя по всему, он до сих пор не в себе после смерти внука. Пройдёт несколько дней — попробуем снова поговорить. Если объясним ситуацию спокойно, может и разрешит осмотреть вещи Виктора.

Он помолчал, потом добавил:

— А пока можно заняться другим: попытаться найти людей, которые работали в издательстве в то время и могли быть связаны с той статьёй.

Мы с Ирой переглянулись и одновременно кивнули.

— Вот и славно, я этим займусь, — оживился Алфавит. — Такой информацией вряд ли кто-то просто так поделится. Во-первых, это личное, а во-вторых, кому захочется копаться в старых записях? Обычно у людей хватает своей работы. Но! — он обвёл нас взглядом с самодовольной улыбкой. — У меня есть знакомая в отделе кадров. Точнее, подруга моей мамы. Я могу к ней сходить и запросить данные. Но есть нюанс: вам придётся немного поработать без меня. Надеюсь, справитесь.

— Да, конечно, справимся. Правда, Ира? — я взглянул на девушку.

— Без проблем, — спокойно отозвалась она.

— Доверьтесь профессионалу! — торжественно объявил Алфавит. — Так... давай, что у тебя там по работникам?

Я протянул ему блокнот с именами. Алфавит аккуратно переписал все даты, имена авторов и редакторов, которые я успел найти под названиями статей и очерков. Он показал, как вести архивный учёт, чтобы в его отсутствие всё оставалось чётким и понятным. Но Олег не был бы Алфавитом, если бы просто показал: он устроил мини-лекцию, объясняя каждый шаг, а потом провёл небольшой «зачёт», чтобы убедиться, что мы всё поняли.

Убедившись, что его всё устраивает, он с деловым видом направился к двери, напоследок бросив на нас взгляд: «Ну, теперь точно справитесь».

— Ты думаешь, у него получится? — спросила Ира, когда дверь за Алфавитом захлопнулась, отводя глаза, будто боялась взглянуть. — Даже если мы найдём адреса, не факт, что эти люди ещё живы. Слишком много прошло времени.

Я кивнул. Время — худший и лучший враг расследования: оно стёрло улики и память, но оставило странные следы, на которые мы и собирались охотиться.

Мы занялись рутинной работой — бесконечной, как сама пыль архивных коробок. Бумага пахла временем, затхлым воздухом и старой типографской краской. Мы перебирали пожелтевшие страницы, уже почти не веря, что среди этих строк найдём хоть что-то полезное. Статьи мелькали перед глазами, и я всё чаще ловил себя на мысли, что даже не читаю — просто скольжу взглядом по буквам.

Ира сидела напротив, сосредоточенная, аккуратно переписывала данные в журнал, как показывал Олег. Её почерк был удивительно ровным, будто каждое слово выводилось с почтением к самой бумаге. Временами слышался лёгкий скрип ручки, тихое перелистывание страниц — эти звуки делали тишину ещё плотнее, почти осязаемой.

Когда маленькая стрелка часов пересекла цифру пять, дверь архива распахнулась, и на пороге появился Алфавит. Выглядел он как человек, только что вернувшийся с важной дипломатической миссии — довольный, слегка запыхавшийся, но с тем особым блеском в глазах, который появлялся у него, когда он нёс новости.

— Извините, что так долго, — произнёс он, поправляя ворот рубашки. — Но ведь нас интересует не скорость, а результат!

Мы с Ирой переглянулись.

— Так вот, товарищи-коллеги, что мне удалось узнать, — продолжил Алфавит с видом профессора, читающего доклад. — Миронов Кузьма Петрович, главный редактор газеты. На момент выхода статьи ему было шестьдесят восемь лет. Судя по последним записям, он ушёл на пенсию и уехал из города. Думаю, искать его не вариант, если только он не какой-нибудь горец-долгожитель! — Он ухмыльнулся, довольный собственной шуткой.

— Далее: Савельева Рината Ивановна, помощник редактора. Судя по записям, ей тоже было далеко за пятьдесят. Про неё удалось выяснить, что после выхода на пенсию жила одна и умерла более десяти лет назад. Очевидно, что с бывшими руководителями издательства связаться уже не представляется возможным.

Он выдержал паузу, чтобы мы успели проникнуться атмосферой расследования, и, шурясь, добавил:

— А вот дальше — интереснее! — Он хитро посмотрел на нас и вытащил из папки листок. — Ульянова Оксана Дмитриевна. Молодая журналистка. На момент публикации ей было девятнадцать лет. Проходила практику в этой же газете, а потом осталась работать. И самое приятное — на пенсию она вышла всего пару лет назад. Значит, вполне может быть жива и здорова. Вот, адрес!

Он протянул бумажку, как победный трофей.

— Я знаю, где это, — сразу откликнулась Ира. — Минут двадцать пешком отсюда. Недалеко от нашего института.

— Отлично, — сказал я, забирая листок. — Но, судя по виду нашего посла, у него есть и продолжение.

— Разумеется, — с достоинством ответил Алфавит. — Устинов Григорий Николаевич, двадцать шесть лет в сорок седьмом. Молодой, энергичный.

— Тоже хороший кандидат, — заметил я.

— Да, неплохой. Только вот... есть большое «но», — Олег сделал выразительную паузу. — В том же году, когда была написана статья, он уволился из редакции.

— Странно, — заметила Ира, нахмурившись. — Может, он и был автором?

— Не исключено, — согласился Алфавит, — но никаких следов. Ни адреса, ни последующих записей о месте работы. Будто исчез.

— Обидно, — сказал я, задумавшись. — Если информации нет, достать будет непросто. Прошло слишком много времени.

Алфавит кивнул.

— Я проверил других корреспондентов, но... — он развёл руками. — Они не представляют интереса. Большинству сейчас было бы за сто. У каждого своя судьба, по записям почти все уже умерли. Так что копать в их направлении смысла нет.

Он протянул мне листок с именами и пометками. Я быстро пробежал глазами записи Олега.

— Ну что ж, — глубоко вздохнув, начал я, — судя по результатам, выбор у нас невелик. Поэтому наша единственная зацепка... — я ещё раз взглянул на записи и прочитал: — Ульянова Оксана Дмитриевна.

— Не спеши, — вдруг произнёс Алфавит и поднял палец. — Есть ещё кое-что. Я нашёл журнал с перечнем статей и датами публикаций. Там указывались имена не только авторов, но и тех, у кого брали интервью.

— И? — Ира подалась вперёд, глаза загорелись. — Там есть имя рассказчицы?

Алфавит усмехнулся с досадой:

— Если бы это было не так, я бы не перерывал старые записи и не забивал ваши головы лишними сведениями. Да, я нашёл такую книгу. И тоже думал, что одна небольшая строчка поможет найти автора... или даже рассказчицу. Но... — он тяжело выдохнул, — страница с сорок седьмым годом вырвана. Аккуратно, намеренно. Кто-то явно не хотел, чтобы эти сведения сохранились.

Мы замолчали. Все переглянулись, но никто не решился ничего сказать.

— То есть, — медленно произнёс я, — кто-то специально уничтожил информацию?

— Похоже на то, — подтвердил Алфавит. — Чем больше копаем, тем больше загадок.

— Да уж, — Ира тихо закрыла журнал, — что ни новость — то загадка.

И вдруг я понял: мы втроём стоим уже не просто перед старым делом. Мы тронули что-то, что не хотело быть найденным.

12

— Нужно поговорить с этой женщиной — Оксаной Дмитриевной, — сказал я, нарушая тишину и глядя на адрес, аккуратно выведенный на листочке. — И в этот раз я точно возьму кого-нибудь с собой. Хватило мне того, что дедушка Виктор устроил... теперь чего угодно ждать можно.

— Да мы и не собирались тебя оставлять одного, — Ира ободряюще улыбнулась и легонько хлопнула Алфавита по плечу. — Правда, Олег?

Алфавит, как всегда, был серьёзен и сосредоточен.

— Даже в мыслях такого не было, — произнёс он ровно. — Меня самого крайне интересует вся эта история. И чем дальше, тем больше понимаю, что рационального объяснения происходящему нет. Ни одна из моих первоначальных теорий не выдерживает проверки.

— Отлично, — я решительно поднялся, словно скидывая с себя остатки сомнений. — Тогда идём прямо сейчас.

— Прямо сейчас? — Ира округлила глаза, но без сопротивления — скорее с тихим удивлением.

— Ну да, — я пожал плечами. — А чего тянуть? Вдруг потом не получится.

Ира на мгновение задумалась, чуть нахмутив брови — внутри неё боролись осторожность и привычка к спонтанности:

— Просто подумала, что нам стоило бы подготовиться... — тихо проговорила она. — Мы же всё-таки будущие журналисты, не школьники.

— Профессиональные журналисты, — сказал я с притворной важностью, — должны быть готовы брать интервью в любых условиях и уметь импровизировать.

Алфавит коротко хмыкнул и одобрительно кивнул. Решено — идём.

✱

Мы шли по узким улицам к дому Оксаны Дмитриевны. Летнее солнце висело низко над горизонтом, заливая тротуары мягким светом, длинные тени от деревьев и домов растягивались по асфальту. Вечерний ветер еле шевелил листья у обочин, воздух был тёплым, с лёгким запахом асфальта и пыли — город ещё дышал уходящим днём.

Я мысленно перебирал варианты разговора, прикидывал, с чего начать, чтобы подвести к теме той самой статьи.

Олег шёл чуть отставая, не отрывая взгляд от блокнота. Он делал свои вечные записи мелким, почти каллиграфическим почерком — каждый жест был выверен, словно он фиксировал данные, не давая им ускользнуть.

Ира шла молча. Её шаги стали медленными, почти осторожными, взгляд скользил по тротуару, будто она пыталась увильнуть от своих мыслей. Плечи опущены, пальцы невольно играли с ремешком сумки. Я заметил, что после дачи она вернулась другой: прежний кипящий гейзер энергии сменился тихой, почти скрытой тревогой, и даже дыхание казалось медленнее, осторожнее.

— Что-то случилось? — спросил я негромко.

Она, будто не услышав, всё так же шла рядом.

— Ира, — позвал я чуть громче. — Что с тобой?

Она вздрогнула, резко остановилась. Алфавит, не видевший ничего, кроме блокнота, почти врезался в неё, едва не выронив записи.

— Извините, задумался, — пробормотал он, смущённо отступая.

— Всё нормально, — тихо ответила она. — Просто... — Ира прикусила прядь светлого локона. — Через неделю я переезжаю. В другой город.

Я остановился как вкопанный.

— Почему? — спросил я, не скрывая растерянности.

— Папе предложили новый, очень хороший контракт, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — С переездом. В эти выходные родители, их друзья... ну, и я... собирались всё обсудить и решить, что будет дальше. Ещё в начале лета я знала, что такое возможно. Но одно дело — когда точно не знаешь... поэтому никому не говорила. И вот, неделю назад отец получил это предложение. Он давно мечтал об этом. Говорит, такой шанс выпадает раз в жизни, и отказаться он не может. Мама, конечно, поедет с ним. А я... одна тут оставаться не хочу. Пока не готова жить без них.

— А как же учёба? Осталось ведь всего ничего, — негромко спросил я.

— Меня переведут, — коротко ответила Ира. — Уже узнавала. Специальность та же, курс тот же.

Она улыбнулась — грустно, виновато.

Я не знал, что сказать. Трудно было спорить с тем, что нельзя упускать «шанс, который выпадает раз в жизни». В большом городе не только её отец, но и она сама могли добиться большего. Это было разумное решение, и всё же неприятное чувство пустоты медленно поднималось где-то внутри. Ира стала мне другом. Возможно, даже кем-то большим. Но я тогда не позволял себе думать об этом. Сейчас, спустя годы, я понимаю, почему. Наверное, боялся.

Она продолжила, глядя на мостовую:

— Я бы очень хотела помочь вам разобраться с этим делом до конца. Оно ведь настоящее... — она на мгновение подняла взгляд, — журналистское расследование. С настоящей тайной!

— Да уж, чего-чего, а тайн тут хватает, — вздохнул я. — Только непонятно, откуда они все берутся.

— Вот именно, — тихо сказала она. — Это и захватывает, и пугает одновременно.

— Даже не «немного», — добавил я, вспоминая статью, смерть Виктора, то, что случилось в его квартире.

— Ну да, — она опустила голову. — Поэтому это не просто журналистское расследование. Для нас это значит куда больше. Во всяком случае, для меня.

Мы замолчали. Лишь ветер гнал по улице бумажный фантик, и вдалеке звенел чей-то старый велосипед.

Алфавит всё это время продолжал что-то записывать. Сосредоточенно, будто вычерчивал карту мыслей. Казалось, он совсем не обращал внимания на наш разговор.

— В любом случае, — сказал я наконец, — так просто мы это дело не бросим. — Я бросил многозначительный взгляд на Алфавита. — И я обязательно сообщу тебе, если мы без тебя найдём что-то стоящее.

Олег коротко кивнул.

Ира благодарно улыбнулась.

Всю оставшуюся дорогу мы шли молча. Летний ветер на мгновение принёс лёгкую прохладу. Было какое-то необъяснимое чувство потери и тревоги. Я погрузился в свои мысли, почти не замечая происходящего вокруг. Ира молча шла рядом, почти касаясь меня плечом. Алфавит уже перестал делать записи. Он никак не прокомментировал новость об Ирином отъезде, но я знал, что он тоже расстроен и всё понимает. Просто проявлять эмоции — не в его привычках.

13

Мы подошли к небольшому, но ухоженному трёхэтажному кирпичному дому. В некоторых окнах уже тускло мерцал вечерний свет. Алфавит сверил адрес и жестом указал на нужный подъезд.

Поднимались пешком — дом был невысоким, лифта не было. В пролёте между первым и вторым этажом не горела лампочка, и в полумраке лестничная клетка выглядела зловеще: тени расплзались по стенам, словно шевелились.

Я споткнулся о неровный край ступени и едва не упал. На долю секунды мелькнула нелепая, но отчётливая мысль — о том разговоре детей во дворе, про рыжую ведьму в подъезде, которая нападает из темноты.

И тут же я ощутил, как темнота будто ожила. Она не просто окружала — обволакивала, липла к коже, давила. Сердце колотилось в груди, будто спешило убежать вперёд.

«Вот, наверное, так это и происходит», — подумал я, чувствуя, как между лопаток пробегают холод.

Инстинктивно я ускорил шаг, стараясь скорее выбраться на свет второго этажа. Будь я один — пронёсся бы бегом, но было стыдно перед спутниками. Видимо, события последних дней пробили мою железобетонную материалистичность: нервы сдавали, и я уже ловил себя на том, что верю в чертовщину. Журналист, комсомолец, материалист — а веду себя как школьник, испугавшийся собственной тени.

— Игорь, ты чего так рванул? Что случилось? — услышал я голос Иры.

Обернувшись, увидел, как ребята осторожно поднимаются следом. Свет из окна ложился на их лица, и от этого фигуры, медленно выплывающие из темноты, выглядели пугающе.

— Это вы плетётесь, как черепахи! — бодро отмахнулся я, стараясь скрыть неловкость. — О, вот и нужная дверь!

Не дождавшись, когда мои спутники поднимутся, я собрался с духом и нажал на звонок. За дверью послышался тихий шум шагов.

Дверь открыла миловидная, невысокая блондинка лет шестнадцати-семнадцати. На ней были широкие, великоватые штаны из плотной хлопковой ткани и мягкий вязаный свитер пастельного цвета. Лицо чистое, живое, с чуть заметными веснушками на переносице и большими, пронизательными, голубыми глазами, в которых читались вежливость и настороженность — как у человека, привыкшего, что в конце вечера в дверь обычно никто не звонит.

— Здравствуйте, — вежливо сказал я. — Мы из газеты. Хотели бы поговорить с Оксаной Дмитриевной.

Девушка окинула нас взглядом — Олег и Ира уже стояли неподалёку. Ира улыбалась, а Олег держал наготове блокнот и ручку, всем видом демонстрируя серьёзность нашего визита.

— Кто там? — из глубины квартиры послышался женский голос — тёплый, уверенный, но с лёгкой хрипотцой.

— Бабушка, это к тебе. Говорят, из газеты, — крикнула в ответ девушка, чуть повернув голову. Её голос прозвучал чисто, немного застенчиво, немного деловито — будто она уже наполовину во взрослой жизни.

Где-то в глубине квартиры коротко звякнула посуда — хозяйка поспешно отставила кружку, — а затем шаги, более уверенные, размеренные, направились к прихожей.

Через несколько секунд в коридоре появилась невысокая светловолосая женщина. Первое, что бросалось в глаза — она вовсе не походила на «бабушку». Её кожа была удивительно гладкой, глаза — живыми, внимательными. Светлые волосы, чуть тронутые сединой, придавали ей скорее благородство, чем возраст.

— Оксана Дмитриевна? — уточнил я, всё ещё не веря глазам. — Мы из газеты, и, если вы не против, хотели бы задать вам пару вопросов.

На мгновение она словно замерла, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стоит за ними. Потом лицо её посветлело: едва уловимая тень усталости исчезла, и в глазах появился живой блеск.

Она чуть выпрямилась, будто собравшись, и даже в голосе, когда она заговорила, проскользнула молодая энергия.

— Конечно, проходите. Я всё равно свободна, — ответила она мягко. — Да и с коллегами всегда приятно поговорить.

Мы вошли в просторную и светлую квартиру. На стенах висели картины, в основном пейзажи и тихие натюрморты, а между ними — фотографии Оксаны Дмитриевны и её семьи. На некоторых она была совсем молодой, с той же ясностью во взгляде, что и сейчас; женщина почти не изменилась. В квартире чувствовался вкус и порядок. Воздух пах лавандой и чем-то ещё — возможно, свежесваренным чаем.

Из дальней комнаты нам навстречу вышла ещё одна блондинка — светловолосая, аккуратная, со спокойным, чуть усталым лицом. Оксана Дмитриевна представила её как свою дочь. Я едва удержался от тихого присвиста: по возрасту ей должно было быть около сорока, но выглядела она лет на десять моложе — не столько в чертах, сколько в лёгкости, в мягкости движений, словно время обтекало её стороной.

Мы прошли на кухню. Там стоял большой круглый стол, за которым, казалось, проходило немало душевных разговоров. Оксана Дмитриевна поставила чайник, а дочь с внучкой тактично удалились в соседнюю комнату — оттуда вскоре донёсся звук телевизора. Я невольно проводил взглядом внучку. Свет от лампы мягко ложился на её волосы, делая их почти серебристыми. Впрочем, я быстро вернул себе журналистскую серьёзность.

— Оксана Дмитриевна, ещё раз извините за беспокойство... — начал я.

— Всё в порядке, молодой человек, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Как я уже сказала, всегда приятно пообщаться с коллегами. И вообще, я всегда открыта для новых знакомств.

— Наверное, это профессиональная привычка — быть открытой к людям? — вмешалась Ира, подаваясь вперёд.

— Можно сказать и так, — кивнула женщина. — С годами учишься слушать. Это в журналистике главное — не слушать, а слышать.

Я решил не откладывать:

— Оксана Дмитриевна, вопрос у нас действительно не совсем обычный.

Женщина посмотрела на меня внимательнее, словно почувствовала, что разговор пойдёт не о пустяках.

— Вы проработали в «Звезде Победы» больше сорока лет, верно? — вступил в разговор Алфавит, привычно деловито.

— Верно, — усмехнулась она, разливая чай в кружки. — Газета с тех пор даже название не поменяла. Перестройка, реформы... А на перерегистрацию никто не решился — хлопот больше, чем пользы.

Она поставила перед нами чашки, и в воздухе поплыл запах чая — терпкий, с нотками чабреца и мяты.

— Статья 1947 года... — не унимался Алфавит, не отрывая взгляда от блокнота.

Я решил взять инициативу в свои руки:

— Оксана Дмитриевна, извините, я начну с самого начала. Мы работаем в архиве и недавно нашли одну весьма странную статью. Датирована... — я вопросительно посмотрел на Алфавита.

— 1947 годом, — коротко подтвердил он.

— Не припоминаете, в вашей газете тогда не выходило ничего... необычного? — спросил я, стараясь уловить малейшее изменение в выражении лица собеседницы.

— Если честно, нет... — женщина нахмурилась, задумчиво глядя в сторону. На её лице почти не проступили морщины — словно время обходило её стороной. — Конечно, это было очень давно... столько публикаций прошло через руки! Но если это было действительно нечто из ряда вон, я бы запомнила. Неважно, моя статья или нет.

Она на секунду замолчала, потом мягко, по-домашнему поставила перед нами коробку с печеньем и вазочку с вареньем. Сладкий запах вишни на мгновение наполнил комнату уютом.

— Действительно, статья, что попала нам в руки, весьма странная, — продолжил я. — Даже сейчас она кажется... неуместной, чужой. А уж для того времени — и вовсе невозможной.

Оксана Дмитриевна слушала с живым, почти жадным интересом. В её глазах промелькнула тень. Тень воспоминания? Или узнавания?

— Если не ошибаюсь, вы тогда только начинали работать в «Звезде Победы», — осторожно добавил я. — Возможно, вы не знали всех подробностей. К сожалению, сама публикация у нас не сохранилась — уцелел только краткий пересказ.

Я изложил сюжет, насколько позволяла память. Женщина не перебивала, слушала внимательно, лишь чуть сжала руки, и я заметил, как побелели её пальцы.

— Действительно, очень необычно. И весьма увлекательно, — произнесла Оксана Дмитриевна после короткой паузы, словно взвешивая сказанное. В её голосе прозвучало не просто любопытство, а осторожное недоверие — профессиональная привычка человека, который многое видел и умеет отличать правду от выдумки.

— Честно говоря, я слышу об этом впервые. Такое я бы точно запомнила. Тогда, — она слегка наклонила голову, вспоминая, — ничего подобного никто не публиковал.

Она перевела взгляд на меня, чуть прищурилась.

— Вы уверены, что это действительно сорок седьмой год, а не какая-нибудь... подделка? Стилизация под старую газету? Сейчас ведь чего только не делают.

Я задумался, подбирая слова.

— Экспертизу мы, конечно, не проводили, — произнёс я осторожно, стараясь не выглядеть наивным. — Но вырезка совсем не походила на подделку. Старая, потёртая...

Я чуть развёл руками, будто признавая собственную неуверенность.

— Кажется, мы зря вас побеспокоили, — выдохнул я и начал подниматься со стула, стараясь не выдать неловкости.

Опять тупик. Опять ни одной зацепки.

И тут Алфавит, до этого молчавший, произнёс:

— Григорий Николаевич Устинов. Он ведь работал в вашей редакции и уволился как раз в сорок седьмом, верно?

Оксана Дмитриевна чуть вздрогнула.

— Да, я помню его. Очень хорошо помню, — она слегка улыбнулась, и в голосе мелькнули тёплые нотки.

Я одобрительно глянул на Алфавита. Всё-таки не зря он усердно писал в блокноте.

В комнате повисло короткое молчание, словно время на мгновение остановилось, позволяя нам прочувствовать вес этой маленькой, но важной зацепки.

— Гриша... — женщина прикрыла глаза, будто пытаясь удержать ускользающую тень прошлого. — Он был особенный. Молодой, амбициозный, но при этом скромный. В работе — гений, в жизни — мечтатель. Писал не так, как все. Его тексты будто жили своей жизнью. Иногда я ловила себя на мысли, что за его строками словно кто-то дышит...

Она говорила негромко, будто боялась потревожить чью-то память.

— Внешне он был настоящим офицером — высокий, статный, всегда в форме. Тогда многие мужчины продолжали носить военное, но ему это шло особенно. Мужчин во время войны погибло много, так что вы можете представить, какой популярностью Гришенька пользовался у женщин, — улыбнулась она печально. — Но Гриша не был ловеласом. Всё его внимание — работа, и...

Она замолчала, неспешно подняла чашку и сделала глоток чая. Взгляд устремился куда-то в пустоту, мимо нас, словно она вновь переживала давние воспоминания. Аккуратно поставив чашку на стол, она вздохнула и продолжила.

— Он часто спорил с редактором, писал статьи, которые не проходили цензуру. Слишком смело выражал мысли. Некоторые его материалы уходили прямо «в стол» и больше никто их не видел. Но, несмотря на конфликты, его не увольняли. Слишком ценили талант. А талант у него был настоящий. Он был прекрасным журналистом, а ещё — невероятно обаятельным человеком. На него просто невозможно было долго злиться.

— И всё-таки он ушёл? Он уволился из-за очередного конфликта? — тихо спросила Ира.

— Возможно, — тихо ответила Оксана Дмитриевна. — Никто точно не знает. Это произошло неожиданно. Оставил заявление и исчез. Ни слова, ни прощания. Даже мне ничего не сказал, — её голос дрогнул. — Мы были... близки. Очень. Я думала, что знаю его лучше всех. Но, наверное, ошибалась.

— Вы пытались его искать? — осторожно спросил я.

— Конечно. Я тогда объездила пол-страны. Писала в редакции, расспрашивала знакомых, даже к милиции обращалась. Но всё — безрезультатно. Будто сквозь землю провалился. — Она замерла, опустив взгляд. — Сначала я думала, что он просто... устал от всего, от идеологии, от давления. Потом решила, что, может быть, появилась другая женщина. Но он любил меня, я знаю. И он знал, что у нас будет ребёнок.

Последние слова она произнесла еле слышно, словно боялась, что кто-то посторонний услышит её тайну. На кухне стало тихо. Даже часы на стене будто замерли.

— Родители говорили мне, что, наверное, он испугался ответственности и просто убежал, — тихо продолжила Оксана Дмитриевна. Но голос её наполнился твёрдостью. — Я знала, что это не так. И до сих пор уверена. Он очень любил свою работу, жил ею. Говорил, что не променяет её ни на что другое. И, как я тогда чувствовала, он очень любил меня.

Её голос дрогнул, и она глубоко вздохнула.

— А потом... он пропал. Просто исчез, будто его и не было. Родных у него не осталось — всех потерял на войне. Как и многие тогда. Даже спросить не у кого. Не одна я пыталась его найти — искали друзья, коллеги. Безрезультатно. Ни слуху, ни духу. Союз ведь большой...

Она замолчала, задумчиво глядя в чашку, а затем добавила почти шёпотом:

— Я даже думала, может, его забрали в соответствующие органы. Может, я всё-таки не знала всего о нём. Но нет. Нет. Я точно знаю, тут другое. Не знаю, что — но другое. Я в этом уверена!

История тронула всех.

— Ваша история очень грустная, — сказала Ира, утирая слезинку.

— А может, он рассказывал вам о каких-то новых проектах или вёл себя необычно? — практично поинтересовался Алфавит.

— Он говорил о будущем, строил планы... Но ничего странного, — ответила она. — Даже в день, когда исчез, был как всегда — спокоен, рассудителен.

Наступила тишина. Казалось, даже стрелки часов в углу замедлили ход. Потом все почти одновременно взглянули на время — и, словно очнувшись, начали собираться. Мы поблагодарили Оксану Дмитриевну за угощение и откровенность, пообещав обязательно сообщить, если что-то выясним.

Настроение было подавленным. История становилась всё загадочнее, но не ближе к разгадке. С первого взгляда — никакой мистики: человек исчез, такое случается. Страна огромная, время тяжёлое. Возможно, у него были скрытые мотивы. А может, он действительно сбежал от ответственности — такой вариант тоже нельзя исключать.

И всё же, судя по обстоятельствам, он действовал осознанно: если бы хотел исчезнуть просто так, зачем писать заявление на работе? Мог бы уйти тихо, без следов. Скорее всего, он хотел сделать всё правильно, действовал обдуманно, возможно, даже был готов объясниться, но что-то пошло не так.

Чутьё Оксаны Дмитриевны явно не подводило — это было что-то другое.

Серьёзных зацепок мы пока не обнаружили, оставался один вариант — вернуться в квартиру Виктора и попытаться найти статью. Правда, даже если удастся её отыскать, неизвестно, принесёт ли это результат. Зато у нас появится хоть какая-то улика — без неё наши рассказы воспринимались бы как фантазии или, в худшем случае, как бред.

Мы вышли в коридор, где висели картины и фотографии. Свет лампы, едва тёплый и желтоватый, бросал длинные тени, из-за чего лица на снимках казались живыми. Олег и Ира быстро прошли в прихожую и уже тянулись к обуви. Я шёл медленно и невольно задержался, вглядываясь в снимки, надеясь увидеть молодого мужчину — Григория. Но почти на всех фото Оксана Дмитриевна была либо одна, либо с дочерью и внучкой. Лишь на одном кадре мелькал мужчина, обнимающий дочь и внучку — явно не тот, кого мы искали, скорее всего, это был её зять.

Чтобы не толпиться в маленькой прихожей, Ира попрощалась и быстро выскользнула за дверь. Алфавит, задержавшись на секунду, посмотрел на меня — будто хотел что-то сказать, но передумал. Лёгким жестом показал, что они подождут снаружи, и вышел следом. Я уже собирался последовать за ними, когда взгляд вдруг зацепился за одну из картин.

На полотне была изображена узкая парковая аллея, уходящая вдаль. По обеим сторонам — чёрные силуэты деревьев, фонари, похожие на стражей, отбрасывали бледный свет. Ска-

мейки вдоль тропы стояли пустые, кроме одной, почти утонувшей в тени. Там, в глубине мрака, сидела женщина — неподвижная, в старинном платье, словно сошедшая с портрета XVIII века.

Картина завораживала. От неё веяло холодом — не просто художественным, а живым, осязаемым. Хотелось отвести взгляд, но я не мог. Она казалась одновременно мрачной и пугающей, и притягательной своей таинственной силой.

— Красиво, правда? — услышал я за спиной голос Оксаны Дмитриевны. — Это Гриша написал.

Меня словно пронзило током.

— Извините, что вы сказали?

— Эту картину Гриша написал, — повторила она мягко. — Это его последняя работа. Последний подарок перед тем, как он исчез.

Она помолчала и добавила:

— Он был не только талантливый журналист. Он ещё был настоящий художник. Почти все иллюстрации в газете — его рук дело. Особенно к собственным статьям. Он никому не позволял к ним прикасаться. Говорил, что только он чувствует, как должно выглядеть написанное. Иногда его рисунки выглядели реальнее фотографий.

Я едва сдержал дрожь. По спине пробежала холодная волна. Перед глазами всплыла та самая иллюстрация из старой вырезки: пустые глазницы, контурные черты лица, смотревшие прямо из глубины бумаги. После всего услышанного сомнений не осталось — это была работа Григория Устинова.

— Скажите, Оксана Дмитриевна, а ещё картины Григория у вас есть? — осторожно спросил я, не отводя взгляда от тёмной фигуры на полотне.

— К сожалению, нет... — тихо ответила она, в голосе слышалась грусть. — Эта картина почти единственная память о Грише.

Я кивнул, всматриваясь в каждую деталь, будто пытаюсь вытащить из теней и красок саму суть художника. В голове всё складывалось в тревожно чёткую картину: Устинов создавал иллюстрации для газеты, к своим статьям всегда делал их сам. Жуткая иллюстрация из вырезки — без сомнения, его рук дело. Стиль совпадал с женщиной на картине. Значит, с большой вероятностью именно он и есть автор статьи. А если так... то нить, ведущая к разгадке, ещё не оборвана. Если мы каким-то чудом сможем найти Устинова, то значительно приблизимся к разгадке таинственной истории.

Мы попрощались. Я пожелал хозяйкам квартиры спокойной ночи и поймал взгляд внучки Оксаны Дмитриевны — ясный, чуть смущённый, милый и завораживающий. Она улыбнулась. Я — в ответ.

Когда дверь закрылась, я будто вылетел на лестничную площадку. Не обращая внимания на темноту подъезда, выскочил на улицу. Воздух снаружи показался свежим и холодным. Ира и Алфавит уже ждали меня; их лица были хмурыми, но в глазах читалась смесь любопытства и тревоги.

Я почувствовал странное волнение: словно весь город на мгновение стал глубже, тише и загадочнее, а я нёс маленькую крупицу тайны, которая могла всё перевернуть. В груди щемило предвкушение — не только от догадки, но и от того, что появилась нить, ведущая в самую тьму этой истории. Ира бросила на меня быстрый взгляд, Алфавит молчал, скользя глазами по блокноту. Я невольно улыбнулся — предстояло удивить их и, возможно, вместе приблизиться к разгадке, к той самой истории, что будто жила собственной жизнью.

По дороге домой я пересказал ребятам разговор с Оксаной Дмитриевной. Говорил тихо — скорее по привычке, чем из осторожности. Мы шли по тихой улице — тёплый летний вечер

сгушался, небо темнело, но ещё хранило мягкий отблеск заката. История Григория Устинова, его исчезновение, картина, иллюстрация — теперь всё складывалось в одну линию, и от этого становилось тревожно и волнительно одновременно.

Когда я закончил, Алфавит негромко хмыкнул:

— Всё это, конечно, звучит красиво... но не кажется ли тебе, что ты слишком разгорячился?

— Или это внучка Оксаны Дмитриевны произвела такое впечатление? — протянула Ира с лёгкой усмешкой, в которой сквозила ревнивая нотка.

— Ревнуешь? — отозвался я тем же тоном.

Она фыркнула, но глаза блеснули — то ли от раздражения, то ли от смущения.

Мы шли молча, пока где-то в листве не стрекознул кузнечик. Алфавит наконец заговорил — степенно, как всегда, будто читал лекцию:

— Я вот что хочу сказать. Повторюсь, но... Всё это было очень давно.

Он поднял руку, загибая пальцы:

— «А» — что может быть с человеком, исчезнувшим более сорока лет назад, мы можем только гадать.

Следующий палец.

— «Б» — куда он исчез, не знает никто. Ни тогда, ни сейчас.

И, чуть замедлившись:

— «В» — учитывая пункты «А» и «Б», а также массу других обстоятельств... наши шансы найти хоть какие-то сведения о нём примерно равны шансу выиграть главный приз в лотерею. То есть, как ты понимаешь, вероятность стремится к нулю.

— А я всё равно попробую, — сказал я, чувствуя, как внутри что-то загорается. — Пусть даже шанс один на миллион. Иногда ведь и лотерейный билет оказывается счастливым.

— Хорошее настроение — уже половина успеха, — сказала Ира и улыбнулась.

— Хорошее настроение, к сожалению, на статистику не влияет, — спокойно возразил Алфавит.

— Не будь пессимистом!

— Я не пессимист. Я реалист, — сказал он сухо и свернул к своей автобусной остановке, помахав нам на прощание.

Мы с Ирой остались вдвоём.

Вечер укрывал город мягким полумраком. Солнце спряталось за домами, но небо ещё хранило тёплый отсвет, и редкие окна светились жёлтым светом. Воздух был тёплым, но уже начинал остывать — лёгкая прохлада скользила по коже, напоминая, что день закончился. Мы стояли молча почти две минуты. Когда тишина стала казаться неестественной и я хотел распрощаться, Ира вдруг сказала:

— Игорь... я не хочу домой.

— И что ты предлагаешь? — спросил я, пытаясь скрыть замешательство.

— Можно просто погулять, — ответила она, — или... — она замолчала, будто подбирая слова. — Или зайти к тебе.

Я замер. Мы никогда не переступали ту невидимую границу — держались в рамках дружеских подколов и общих дел. Но сейчас в её тоне не было ни намёка на флирт. Скорее — простое человеческое желание не оставаться одной после всех этих странностей.

Я почувствовал, как внутри что-то ёкнуло: от неожиданности, от ответственности, от смущения.

Вспомнив, что дома никого нет — отец уехал в командировку, мама с ним, — я невольно усмехнулся. Он всегда говорил: «Приводи кого хочешь — друзей, девушек... Просто ведите себя прилично и квартиру в целости оставьте».

— Ну... можем зайти, — сказал я наконец. — Поболтать, чай сделать... или телевизор включить, если хочешь.

Ира чуть улыбнулась — устало, но по-настоящему, без маски. Мы медленно побрели по тихой вечерней улице к моему дому.

Проходя мимо одного из подъездов, заметили скопление людей и милицейскую машину. Летний вечер был тихим, воздух тёплый, но в нём витало напряжение: редкие прохожие останавливались, переглядывались, шептались. Почувствовав тревогу, я стал всматриваться в толпу. Подойдя ближе, заметил мальчика лет десяти — бледного, в круглых очках, заплаканного. Это был тот самый мальчишка, который возле подъезда говорил с приятельницей про рыжую ведьму. Он всхлипывал, пытаясь объяснить что-то милиционеру, но слова путались и застревали в горле.

От толпы отделился человек и направился к моему подъезду.

— Виталий Андреевич! — окликнул я, узнав соседа: коренастый мужчина с широкой грудью и крепкими руками, волосы уже седели, но лицо было твёрдым, суровым, с морщинами, которые делали его взгляд внушающим доверие.

Он замедлил шаг, и мы с Ирой поспешили к нему.

— Виталий Андреевич, что случилось? — спросил я, чувствуя, как напряжение сжимается в груди.

— Ребёнок пропал, — сказал он басом, крепко пожимая мне руку, глаза с тревогой оглядывали людей вокруг.

— Кто именно? Как это произошло? — спросил я, ощущая, как внутри поднимается холодок.

— Девочка, десять лет, последний раз видели её с Пашкой, тем пацаном в очках, — кивнул он в сторону мальчишки. — Потом она зашла в подъезд и... всё. Домой не вернулась. Мать подняла тревогу, милиция уже всё проверила — ни следов, ни свидетелей. — Он окинул толпу взглядом. — Пытаются найти хоть какие-то зацепки: соседей собрали, опрашивают. Я как раз мимо проходил — меня тоже спросили, не видел ли кого подозрительного.

Я нахмурился.

— И что-то известно? Они что-нибудь нашли?

— Ничего, никаких результатов, — развёл руками Виталий. — Самое интересное, смотри, там двух? — он махнул в сторону двух пожилых женщин, которых я часто видел на лавочке. Лавка была их постоянным местом. Старушки из тех, кто всё видит и всё знает в этом дворе. Ни одно событие не могло ускользнуть от их внимания.

— Так вот, — продолжил Виталий. — Эти две курицы, которые всё время кудахчут и сплетни распускают, видели, как девочка зашла в подъезд одна. При этом клянутся, что чужие туда ни до, ни после не заходили — только свои. А девочка пропала. Просмотрели, курицы... языки чесали обо всём подряд и ничего не заметили.

— Спасибо, — сказал я. — Я подойду поближе.

Взяв Иру за руку, я осторожно потянул её к толпе, стараясь разглядеть мальчика в очках и понять, что произошло.

— Постой, — окликнул Виталий и понизил голос почти до шёпота. — Говорят, менты прочесали весь подъезд. Дверь на крышу закрыта изнутри. Так что тот, кто девчущку похитил, явно не мог уйти через крышу. — Он наклонился ещё ниже и почти шёпотом добавил: — Я так думаю, у нас тут маньяк завелся. И ловить его надо именно в том подъезде, где девочка пропала.

Я пожал плечами, ничего не ответив на его предположение.

— Интересный дядя, — тихо сказала Ира, когда мы отошли.

— Да он нормальный, — ответил я. — Отец его знает, частенько к нам заходит в шахматы поиграть. Просто любит всё утрировать.

— А я ничего плохого и не говорю, — начала она. — Просто наши люди любят сразу в крайности впадать. Пропал ребёнок — и сразу маньяк. А может, девочка просто зашла к кому-нибудь в гости и засиделась.

Я вот, когда была маленькая, однажды пришла к подружке, мы играли, играли, устали и заснули. Её родители поздно с работы приходили, с нами сидела бабушка — и она тоже задремала в кресле. Родители подняли весь двор на уши, обзвонили всех соседей, а мы спокойно дрыхли. Потом родители подружки пришли, увидели нас на полу и бабушку храпящую.

Сейчас это всё вспоминается с улыбкой, но тогда, ставя себя на место своих родителей, не знаю, как бы я себя повела. Наверное, если бы мой ребёнок пропал, тоже всех подняла бы и сразу милицию и скорую вызвала. Человек всегда склонен думать о самом страшном, — задумчиво сказала Ира.

После небольшой паузы она добавила:

— А может, девочка вообще куда-то сбежала и в подъезд не заходила, или тётки просто проворонили момент, когда она выходила. Немудрено — целыми днями сидеть на одном месте и болтать, тут всё смешается в голове.

— Может быть, — сказал я, хотя в глубине души понимал: этот случай не похож на простое недоразумение.

Мы подошли ближе. Толпа редела, люди расходились. Мальчика в очках уже не было — должно быть, отправили домой. Возле машины стоял милиционер и записывал что-то в блокнот. Когда мы приблизились, он поднял взгляд.

— Лейтенант Старовой, — представился он, убирая ручку в карман. — Проживаете здесь?

— Да, в соседнем подъезде, а что случилось, товарищ лейтенант? Говорят, ребёнок пропал? — спросил я.

Он кивнул, наклонился в салон машины, достал оттуда фотографию и подсветил её фонариком. На снимке — девочка с прямыми тёмными волосами и грустными глазами.

— Знаете эту девочку? Видели её где-нибудь? И если да, когда в последний раз? — его голос был спокоен, но в нём ощущалась напряжённая осторожность, привычная для подобных ситуаций. Ира отрицательно покачала головой.

На фотографии я узнал ту самую девочку, которая рассказывала про ведьму и спорила с мальчиком в очках. Фонарь мерцал, освещая фото, и мне вдруг почудилось, будто глаза девочки на снимке смотрят прямо на меня — пронзительно, будто прося о помощи. По спине пробежал холодок.

— Да, — ответил я, не отрывая взгляд от фотографии. — Видел её, мы ведь в одном дворе живём. — Я поднял глаза, посмотрел на подъезд, а потом на милиционера. — Но не сегодня. Мы только что пришли: была практика, потом зашли к знакомым, немного прошлись по городу, увидели толпу и решили узнать, что случилось.

Милиционер кивнул, не выражая эмоций, и что-то быстро записал в блокнот. Свет фонаря отражался от металлической ручки и коротко мигал на его лице, выхватывая из темноты сухие черты и усталый взгляд. После нескольких уточнений он записал наши адреса и отпустил нас.

Мы отошли на несколько шагов, когда послышался скрип входной двери подъезда. Я с тревогой обернулся. Люди разошлись, и из подъезда вышел человек в форме, в руках небольшая папка. Он быстрым шагом направился к машине. Через несколько секунд донеслись приглушённые голоса других сотрудников. Я остановился за кустарником, придержал Иру за руку, жестом попросив молчать.

— Ну что, есть какие-нибудь результаты? — спросил тот, что только что с нами разговаривал.

— Никто ничего не видел, не слышал. Пацан вообще какие-то небылицы рассказывает — про нечистую силу. Я даже записывать не стал, — отозвался второй. — Детский бред.

— А что именно говорит? — заинтересовался первый.

— Будто ведьма её забрала, рыжая, говорит. Пацан уже немаленький, а всё в сказки верит — в ведьм, в Деда Мороза... Вот тебе и советское материалистическое воспитание, — с усмешкой добавил он.

— Ведьма... бред какой-то, — устало произнёс первый.

Дверь подъезда скрипнула, и наружу вышел третий милиционер. Он снял фуражку, вытер лоб и подошёл к машине.

— У меня ничего, — сказал он, качая головой. — Обошёл всех оставшихся соседей, весь подъезд проверил, в подвал спустился — всё чисто. Куда она могла деться, хоть убей, не пойму.

— Да уж... мистика, — буркнул кто-то.

— Хотя что-то надо начальству предъявить... иначе нам самим потом устроят «мистику». Девчонка непростая, дочка большой шишки, поэтому нас и дёрнули так быстро, — произнёс один из них. — Так что... совсем ничего не нашёл?

— Да кое-что поднял, — ответил тот и достал из кармана небольшой бумажный конверт. — Не уверен, что это поможет, но пусть лаборатория посмотрит. Возможно, следы с места нападения?

Когда луч фонаря скользнул по конверту, милиционер аккуратно приоткрыл его. В узкую щёлку света я разглядел внутри несколько длинных волосков. Они странно поблёскивали, будто медные, — неестественно рыжие, слишком яркие для такого тусклого освещения.

— А может, и не такой уж бред, — тихо сказал первый милиционер. — Может, пацан не всё выдумал. Давай это на экспертизу. Ведьма — не ведьма, а мало ли...

Они переглянулись, потом все трое сели в машину. Красные огни мигнули и исчезли за поворотом. Во дворе снова стало тихо.

— Ты всё слышала? — спросил я, повернувшись к Ире.

— Да, — ответила она, всё ещё глядя на пустую улицу. — Думаешь, детская страшилка — совсем не страшилка?

— Знаешь, после всего, что произошло, я уже и не знаю, что думать. Столько совпадений, чертовщины... я уже не уверен, что есть граница между выдумкой и реальностью, — тихо сказал я.

Ира пожала плечами. Мы подошли к лавочке у подъезда и сели. Вечер был тёплый и тихий, пахло нагретым асфальтом, цветами и горьковатым дымком от чьего-то мангала. Сверху, между домами, темнело небо, где мерцали первые звёзды. Ира прижалась ко мне поближе.

— Зайдём? — спросил я негромко.

— Погода чудесная. Давай ещё немного посидим, — ответила она, закрыв глаза, и опустила голову мне на плечо. От её волос исходил яблочный аромат.

Я кивнул. В такие вечера всё вокруг будто замирало, только где-то далеко слышался гул поезда.

— Всё-таки... — произнёс я после паузы. — Начинаю верить, что городские легенды не просто страшилки. Иногда они могут стать реальностью.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросила она, не открывая глаз.

Я на мгновение задумался. Мне не хотелось рассказывать о подслушанном разговоре между мальчиком и той самой пропавшей девочкой — внутренний голос подсказывал, что этого лучше не делать. Вместо этого я глубоко вздохнул и начал рассказывать другую историю... не менее загадочную и тревожную.

Эту историю мне рассказал двоюродный брат примерно двенадцать лет назад. Возможно, я что-то приукрасил или перепутал за давностью лет, но суть, думаю, передаю верно. Антон был старше меня на три с половиной года — разница вроде бы небольшая, но в детстве она казалась огромной. Для меня он был почти взрослым: смелым, уверенным, с лёгкой насмешкой и загадочной улыбкой, будто знал то, чего не знали другие.

Антон обожал рассказывать страшилки. Особенно по вечерам, когда над деревней ложился сумрак, а за окном трещали кузнечики и где-то вдалеке ухала сова. Он садился на край кровати, хмурил брови и, глядя в одну точку, начинал тихо и серьёзно говорить — без тени улыбки, будто всё происходило на самом деле. Мне тогда казалось, что именно в этом и заключалась его сила: он сам верил в каждое слово, и слушатели тоже начинали верить.

Теперь-то я понимаю: моя реакция его забавляла. Что может быть смешнее младшего брата, который, съёжившись под одеялом, боится пошевелиться? Потом, конечно, доставалось нам обоим: ему — за то, что пугает, мне — за то, что снова «наслушался ерунды» и потом сам не сплю, и не даю ночью спать всей семье — ворочаюсь, вздрагиваю, вскрикиваю.

Но, несмотря на страх, я ждал этих рассказов с нетерпением. В них было что-то особенное — сладкое предвкушение ужаса, которое манило обратно, даже если после я не мог уснуть до рассвета.

Каждый вечер, когда солнце опускалось за деревья и над полями тянулся туман, мы выключали свет и устраивались либо в комнате, где от луны по стенам ползли отблески, либо во дворе — на старой скрипучей лавке у колодца. Иногда послушать Антона приходили и наши друзья. Стоило ему начать рассказ, как разговоры мгновенно стихали — все замолкали и, затаив дыхание, слушали моего двоюродного брата.

Из всех его историй одна запомнилась мне сильнее других. Антон уверял, что сам там был. Он даже рассказывал её иначе, со странной настороженностью. Брат тогда явно нервничал: часто оглядывался, сбивался, словно боялся, что его кто-то подслушивает. Впервые я видел его таким. С тех пор мне кажется, что именно эта история была не выдумкой.

По словам Антона, всё произошло за месяц до его приезда к бабушке.

Трое ребят, включая Антона, собрались в квартире Кирилла.

Кирилл был самым тихим и незаметным в их компании. Типичный ботан — тонкий, сутулый, всегда в поношенной школьной форме, великоватой в плечах. На переносице — очки в тонкой металлической оправе, застёгнутые резинкой, чтобы не сползли; волосы аккуратно приглажены, будто он только что вышел с линейки. В портфеле — вечный набор отличника: тетради с идеальными полями, учебники, обтянутые обложками из серой бумаги, и пенал, в котором каждая ручка лежала строго на своём месте.

Он говорил тихо, иногда едва слышно, словно боялся сказать что-то не то. К тому же был трусом и ябедой. Даже сейчас я не понимаю, почему Антон вообще с ним водился; вероятно, тот делал за него домашние задания или давал списывать.

Был обычный, скучный вечер — тишина и сумерки давили одинаково, делать было абсолютно нечего. Вдруг один из парней, Славка, высокий и широкоплечий, с острым взглядом и всегда чуть дерзкой ухмылкой, предложил развлечься — вызвать кого-нибудь из потустороннего мира.

Славка был настоящим заводилой: забияка, который любил подначивать остальных, дразнить и подталкивать к глупым поступкам. Его смелость и дерзость часто граничили с безрассудством, а глаза искрились, будто он уже предвкушал чужой испуг и собственную славу.

Идея, конечно, сначала показалась дурацкой. Кирилл даже не хотел слушать о таком. Он боялся и терпеть не мог любые разговоры о потустороннем. Всё это было частью воспитания его родителей, особенно матери, глубоко набожной и верующей. Каждое упоминание о призраках

или тёмных силах вызывало у неё дрожь, а сын, растущий под её строгим присмотром, перенял эти страхи почти полностью.

Но перед лицом более уверенных и дерзких сверстников Кирилл оказался бессилен. Давление оказалось сильнее, и он, хоть и дрожа изнутри, поддался — тихо, робко, словно согласие могло защитить его от собственной трусости.

Мой брат и Славка начали спорить, кого именно вызывать, всё время наблюдая за тревожной, почти окаменевшей реакцией Кирилла. Казалось, каждое упоминание потустороннего существа заставляло его дрожать.

Кто-то предлагал «весёлого гнома», кто-то — «призрака с чердака», кто-то — «тёмного человека». Кто-то даже вспомнил про «матерного ежика», какого-то местного персонажа, о котором я впервые тогда услышал. Каждый из вариантов требовал своих условий: свечи, зеркала, воду, соль, нить, какие-то слова.

Взвесив все варианты, компания остановилась на пиковой даме. О ней толком никто ничего не знал: одни считали её духом мщения, другие — ведьмой, третьи — просто школьной выдумкой, передаваемой из уст в уста.

Но именно эта неопределённость подогревала интерес, а ещё больше — реакция Кирилла. Когда упоминалась пиковая дама, он побледнел, задрожал, глаза забежали, руки сжались в кулаки. Решение было очевидным: именно её они и будут вызывать.

Ритуал был простым, но зловещим: требовалось зеркало, свеча и колода карт. И, разумеется, произнести слова вызова — провести тёмный, ночной обряд.

Они выключили свет, зажгли свечу, приготовили карты и шёпотом начали произносить заклинание, когда вдруг входная дверь с грохотом распахнулась. Антон говорил, что все трое подскочили так, будто пол под ними провалился. В проёме стояла тёмная женская фигура — силуэт, вырезанный на фоне тусклого коридорного света. На долю секунды показалось, что это и есть та самая пиковая дама.

Но вскоре фигура заговорила — точнее, закричала, и стало ясно: это мама Кирилла, хозяйка квартиры.

Она замерла на пороге, глаза сверкали яростью, а когда увидела свечу и зеркала, словно удар молнии прошёл по комнате. Наорала на ребят так, что у всех троих зазвенело в ушах:

— Чертовщиной! — кричала она. — Вы гневите Бога!

Женщина была глубоко набожной. Иконы над каждым дверным проёмом, кресты на стенах, ежедневные молитвы — всё это делало любое упоминание нечисти смертным грехом в её глазах.

Ребят она выгнала мгновенно, не давая опомниться. Кирилл стоял бледный, плечи опущены, молчал. Руки дрожали, а глаза бегали по комнате, словно он пытался спрятаться от собственного страха.

Высочив из квартиры, ребята с хохотом помчались домой, смеялись и подталкивали друг друга, будто пытаясь сбросить напряжение. Но когда подошли к своему подъезду, Славка стал серьёзным. Он остановился, посмотрел на моего брата и сказал тихо, почти шёпотом:

— Перед тем как на пороге появилась мама Кирилла, мне показалось... что в зеркале я на мгновение увидел тёмный женский силуэт. — Он помолчал, сжимая плечи, словно боясь признаться себе. — Тогда я даже не успел испугаться — дверь распахнулась, и всё внимание переключилось на маму.

Антон выслушал Славку, но не стал спорить. Возможно, другу это привиделось, сыграло детское воображение; возможно, это была лишь игра теней, отблесков свечи и гнетущей атмосферы. А может, он действительно видел её.

В тот момент брату трудно было определить, но внутри пробежал холодок.

Оставалось странное, давящее ощущение: обряд, начавшийся как простая детская шалость, каким-то образом открыл дверь в мир, где прячется нечто гораздо более опасное и необъяснимое, чем они когда-либо могли себе представить.

Ночью Антона разбудил вой сирены — резкий, пронзительный, разрывающий тишину. Он подошёл к окну. У соседнего дома, где жил Кирилл, прямо у подъезда стояли машины милиции и «скорой». В свете фар мелькали силуэты. Кирилла вели к машине — он был закутан в одеяло, на голове повязка, вся в пятнах. Он кричал что-то неразборчиво, но так громко и отчаянно, что мороз пробежал по коже. Потом вынесли носилки. На них лежало тело, накрытое простынёй.

Позже Антон тайком подслушал, как знакомый его отца, работавший в милиции, рассказывал о случившемся. Тот говорил, не веря собственным словам:

— За все тридцать лет службы я никогда такого не видел, — говорил он тихо, с дрожью в голосе. — Когда нам позвонили, мы едва поверили: мужской голос на том конце трубки бормотал, что жена мертва, а ребёнок весь в крови.

Мы приехали — отец стоял на улице, весь дрожал. Говорил невнятно и отказывался заходить в квартиру. А когда я вошёл... мне самому стало дурно. Жена лежала ничком на полу, а рядом, в луже крови, раскачиваясь, сидел сын. Он выколол себе глаза, вставив в каждый по карандашу, и время от времени выкрикивал диким голосом:

— Уходи! Не хочу тебя видеть!

На вопросы не отвечал, только кричал, и сразу было видно: парень сошёл с ума. Мать, как потом сказали врачи, умерла от разрыва сердца — скорее всего, от того, что она увидела.

✱

Всё это время Ира слушала молча, положив голову мне на плечо. Глаза её были закрыты, лицо спокойно — будто пыталась убедить себя, что это просто история. Когда я закончил, она медленно открыла глаза и тихо сказала:

— Твоя история... очень похожа на детскую страшилку.

— Я знаю, — ответил я. — Только в этой страшилке есть одно «но».

Она приподняла брови, ожидая продолжения.

— Когда брат закончил рассказ, — сказал я, — все, конечно, посмеялись. Дескать, опять напугал младшего. Но Антон тогда впервые не улыбнулся. И даже сказал, что эту историю печатали в местной газете. Обещал в следующий раз принести показать.

— Показал? — спросила Ира.

— Нет. Бабушки не стало, дом в деревне продали, и мы как-то стали меньше пересекаться. Так и не получилось увидеть доказательств.

Я замолчал.

Ира долго смотрела на меня, будто пытаясь понять, шучу ли я. Потом отвернулась, посмотрела в темноту двора.

Ветер шевельнул листву, где-то хлопнула дверь, и воздух вокруг стал чуть холоднее.

— Без доказательств сложно верить. Хотя, судя по тому, что мы нашли, всё возможно. А если подумать, можно и рационально объяснить. Может, он действительно был ненормальным, этот пацан-ботаник, — предположила Ира. — Выколол себе глаза, а мать просто вернулась домой и не выдержала, увидев всё это. Вот и умерла от шока. А твой брат что-то где-то слышал или прочитал — о чём я, опять же, сомневаюсь, — чтобы сильнее вас напугать, придал истории мистический налёт и придумал, что сам в этом участвовал. Ты же сам говорил, он любил приукрасить.

— Не отрицаю, — ответил я, задумчиво глядя в темноту. — Но тогда я был совсем пацаном, и мне всё показалось слишком правдоподобным. Может, они действительно вызвали что-то злое, а может, просто у этого Кирилла психика не выдержала — материнские проповеди, издёвки сверстников... всё накопилось.

— А где сейчас твой брат? И что с тем Кириллом? — спросила Ира.

— У Антона всё в порядке: живёт там же, работает, женился. А про Кирилла — не знаю. Никогда не интересовался. Может, при случае спрошу.

Она чуть улыбнулась и протянула руку, касаясь моих пальцев.

— Всё-таки я почти уверена, что всем этим историям есть логическое объяснение. И пропаже той девочки, — она кивнула в сторону соседнего подъезда, где темнели окна. — И тому, что случилось с Виктором. И даже той странной газетной вырезке.

Я усмехнулся, но в улыбке не было радости.

— Эх, какая же ты смелая и рассудительная стала. Было бы здорово, если бы так и было... Но пока я не могу найти никакого логического объяснения, одни только загадки.

— Просто нужно смотреть на вещи трезво, — сказала Ира, уже тише. — Я всегда старалась быть рассудительной. Если хорошенько подумать, многое можно объяснить и не бояться. Хотя... иногда меня тоже пробирает страх. Мы ведь все немного боимся темноты, правда? — Она опустила взгляд.

— Может, и правда всё можно объяснить, — сказал я. — Но то, что произошло с Виктором, всё равно осталось непонятным. Сердце это было или что-то другое — мы просто не можем знать. Мы ведь даже не навестили его на кладбище.

— Ты же не собираешься идти туда ночью, и тем более искать там разгадки? — Ира выжидающе посмотрела на меня, глаза блестели в полумраке.

— Ну, сейчас, конечно, нет... — ответил я, — но сходить надо обязательно.

— Надо, — почти шёпотом согласилась она и снова положила голову мне на плечо.

От её дыхания по коже побежали мурашки. А когда она поцеловала меня в шею, всё внутри перевернулось. Если и мелькнула мысль, что это неправильно, — я не стал её слушать. Её губы были горячими, нетерпеливыми, и с каждым поцелуем в голове становилось всё меньше мыслей. Только огонь.

— Мы зайдём к тебе, — прошептала она. — Ненадолго. А то домой поздно возвращаться...

Ночь была тихой, улица погружена в темноту, лишь свет фонарей мягко отражался в окне. Я повернулся и поцеловал её в ответ. Дальше всё словно растворилось в тумане: смешались тепло тела, сердцебиение, удары адреналина — мир сжался до этих мгновений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.